

МОС
КО
В
С
КИЙ
БАЗАР

№ 3 (21) 2016

Журнал Московского Салона Литераторов www.mossalit.ru

***Tous les genres sont bans,
hors le genre ennuyeux.***

***Все жанры хороши,
кроме скучного.***

Журнал выходит в рамках
проекта «МОССАЛИТ»,
руководитель проекта
Ольга Грушевская

Главный редактор
Светлана Сударикова
Редактор-корректор
Ирина Чижова
Художественный редактор
Ольга Грушевская

Редакционный совет
Анна Народицкая
Зинаида Кокорина

Для писем
mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ

Колонка главного редактора

О поездах и огоньках

В детстве, в деревне, я любила смотреть на проходящие мимо пассажирские поезда. Сидела вечером на мостки на реке, откуда был хорошо виден мост, переносящий составы с одного берега на другой, и ждала. Расписание, разумеется, я знала досконально и приходила заранее, чтобы не опоздать. Приходила одна. Это было очень важно.

Сначала появлялся гудок, протяжный и унылый, он словно предупреждал меня – я здесь, я уже рядом. Потом в пространство вливал стук колес, нарастал крещендо, множился эхом, разлетался по округе, и уже невозможно было понять по звуку, откуда поезд едет – стук колес был повсюду. А потом на мосту появлялся поезд, переезжал через реку, скрывался среди деревьев, растущих вдоль железной дороги уже на другом берегу, ненадолго затихал на станции и уезжал навсегда.

Но именно те несколько минут, когда поезд проезжал по мосту, мне и нравились. Собственно, ради них я и сидела на берегу. Нравились огоньки, горящие в вагоне, и этот пробег света в отражении на воде, и стук колес. Я представляла себе людей, сидящих в вагонах, как они разговаривают, смеются, или, может быть, грустят, пьют чай из стаканов с подстаканниками, а может, просто смотрят в окно, вглядываясь в темноту, но в темном оконном стекле, как в зеркале, видят лишь отражение вагонного пространства. И, может быть, в этот самый момент на мгновение наши взгляды – их и мой – сцепляются, а мы даже не знаем об этом. Точнее, я предполагаю, а они нет. Просто смотрят в темноту, и все.

Но ведь неслучайно? Все в жизни неслучайно. Что-то связывает нас, какая-то общая тайна, давняя и забытая. Некая невидимая нить, тянущаяся откуда-то из прошлого и исчезающая далеко в будущем. А иначе зачем это сцепление взглядов через мрак и расстояние? Может быть, мы были когда-то знакомы? Или будем знакомы в будущем? Или у нас есть что-то общее, о чем мы и не подозреваем?

Именно для того, чтобы поймать это ощущения взгляда, мне и было необходимо одиночество, потому что за веселой болтовней подруг я не успевала ощутить этот родственный взгляд и он терялся в темноте и безнадежно исчезал, улета в иные миры и иные пространства. В это самое мгновение наш мост из простой бетонной конструкции превращался в таинственный портал. Ведь он не просто соединял два берега реки, он перегонял поезда из прошлого в будущее, из «было» в «будет», на мгновение позволяя прикоснуться к тайне. А разгадаю я ее или нет....

Было мне лет двенадцать. Потом я разлюбила смотреть на поезда. Но огоньки в ночи мне нравятся до сих пор: в поездах ли, пролетающих мимо, или в домах, мимо которых я проезжаю, путешествуя на поезде... Жизнь летит и тает, теряются воспоминания, гаснут ощущения, а огоньки остаются.

Может, когда-нибудь я заберу их с собой туда, где все тайное станет явным?

Ваша Светлана Сударикова

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

АЛЕКСАНДР СОРОКОВИК (Украина, Одесса)

- *МАЭСТРО И МУЗА*

ВЛАДИСЛАВ КУРАШ (Украина)

- *КОРРИДА*

ДЖОН МАВЕРИК (Германия, Саарбрюккен)

- *КНОПКА*

АЛЕКСАНДР СТРЕЛЬЦОВ (Москва)

- *СТАРУХИ*

5

11

15

19

ПОЭЗИЯ

НАДЕЖДА ГУСЕВА (МОССАЛИТ, Москва)

- *НА ОСТРИЕ МИРОВ. ПОЭМА. Ч. 1*

ОЛЬГА УВАРКИНА (МОССАЛИТ, Москва)

ПЕТР ЕЖОВ (МОССАЛИТ, Москва)

АЛЕКСАНДР БАЛТИН (Москва)

38

65

70

72

АФОРИЗМЫ И МИНИАТЮРЫ

ЮРИЙ ТУБОЛЬЦЕВ (Германия)

75

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

СВЕТЛАНА СУДАРИКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- *ДАЧНЫЕ ХРОНИКИ. ОСЕНЬ*

78

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

ЯН КАУФМАН (МОССАЛИТ, Москва)

- *МОЯ РОЛЬ В ОТКРЫТИИ ВТОРОГО ФРОНТА.
МОСКВА, 1943 ГОД*

85

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

ИГОРЬ БУРДОНОВ (МОССАЛИТ, Москва)

- *ПРИЗРАКИ СТАРОЙ ФРАНЦИИ*

87

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведет **АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)**

- **ПАДАЛ СНЕГ, или БАБУШКА-ТИНЕЙДЖЕР**

101

*В оформлении журнала использованы репродукции картин
М. К. Эшера, Е. Худяковой, И. Бурдонова, рисунок А. Народицкой.
Фото из архивов С. Судариковой, Я. Кауфмана, Е. Худяковой.*

*На обложке репродукция картины
Евгении Худяковой «Подсолнухи», 2016, акрил*

Выставка¹ картин Е. Худяковой «Мгновения жизни»

¹ *Выставка живописи Евгении Худяковой «Мгновения жизни» (23 октября–20 ноября 2016 г.), Библиотека им. Андрея Платонова, Москва.*

ПРОЗА

*Александр Сороковик
(Украина, Одесса)*

МАЭСТРО И МУЗА

– Что там у тебя за старикан со скрипочкой – бегаёт как потерпевший? То у входа всегда стоял, пиликал, а теперь решил моционом заняться? – Большой Человек лениво сощурился, покрутил в пальцах рюмку дорогого коньяка, отпил глоток.

– Это один тут блаженный, бывший какой-то профессор, что ли... – Хозяин Ресторана предупредительно наклонился поближе, чтобы Большому Человеку не пришлось его переспрашивать.

– Да ну? И что, он у тебя здесь вместо оркестра?

– Какой там! Это идеалист, бессребреник, интеллигент вшивый! Возле входа стоит, сам по себе что-то пиликает. Я, говорит, музыкой не торгую! Мы его не гоним, на это пиликание иногда народ заглядывает. Гости, бывало, его вызывали, просили сыграть для души. Бабки сулили, хорошие бабки. А этот уперся, и все. Идеалист, говорю же!

– Идеалист, говоришь? – Большой Человек не сводил глаз со скрипача, который то подходил к эстраде, то вновь возвращался к дверям, словно не решаясь взобраться на возвышение. – Хо! Да пойми ты, нет идеалистов, бессребреников и прочей херни. Продаются все, только сто́ят по-разному. Таким нищebroдам, как этот дед, красная цена – сто баксов. Но здесь – стержень чувствуется, кажется, не совсем дешёвка.

– Так я же говорю...

– А ты не говори, а смотри. Просто он сто́ит больше, чем ему давали.

– Нет, не больше! Ему хоть тысячу дай, он не пойдёт на это! Я таких идеалистов долбанных как облупленных знаю! – Хозяин Ресторана слегка горячился.

– Не пойдёт, да? Хорошо, тогда забьёмся на пятихатку баксов – если он «Семь сорок» мне сбцаает, ты бабло отстегнешь. Если нет, то я.

Хозяин Ресторана пари принял. Однако был в больших сомнениях. Он очень хотел проиграть, так как Большой Человек должен всегда быть прав. Но сильно сомневался в проигрыше, потому что давно знал старика со скрипкой.

* * *

А старик этот был – Маэстро. Когда-то окончил консерваторию с отличием и играл в Лучшем Оркестре города. Ездил на гастроли, давал концерты, ему аплодировали полные залы.

И все годы рядом с ним находилась его верная Муза. Когда-то и она подавала надежды, говорили, что у нее прекрасный голос и оперные арии в ее исполнении тоже достойны Лучшей Сцены. Но в таких

семьях Маэстро всегда бывает только один, а другой – просто поддерживает его во всем, встречает по вечерам, выслушивает, утешает, ободряет. Так получилось, что Маэстро стал он, а она – его Музой.

Что поделаться, у Музы не оказалось Большого Таланта. Она написала своему Учителю и спросила, стоит ли ей стремиться к вершинам. И однажды, когда Маэстро вернулся с гастролей, окрыленный, радостный, ликующий...

... – Ты представляешь! – его глаза сияли, прическа растрепалась, казалось, что сейчас он сметет своими рукавами всю посуду со стола, – сам Беренштейн сказал, что это неплохо! Пожал мне руку после концерта, и важно так произнес: «Ну что же, неплохо, молодой человек, весьма неплохо»!

– Подумаешь, «неплохо»! – она скептически поджала губы, – Тоже мне похвала! Вот если бы он сказал «гениально»!

– Милая, да ты что? Это ж Беренштейн! Обычно он говорит: «Ужасно, бездарно, плохо». В лучшем случае: «Так себе, пойдет, более-менее». Его «весьма неплохо» в переводе на нормальный язык и значит «гениально»! – он наконец-то перестал бегать по кухне и уселся за стол. Накинулся на жаркое, быстро опустошил тарелку. Не дожидаясь его вопросительного взгляда, она положила вторую порцию, налила в большую кружку крепкий свежесваренный чай с лимоном, как он любил, поставила на стол, чтоб немного остыл.

Ей пришлось еще раз выслушать, как прошел итоговый концерт, как ему аплодировала публика, сколько было цветов. Как его поздравляли, хвалили, и даже сам Беренштейн сказал свое веское слово.

Когда муж наконец умолк и принялся за чай, она задумчиво сказала:

– А я позавчера письмо получила, от Учителя.

– Да? И что же он пишет?

– Он пишет, что стал хуже себя чувствовать, что недавно прослушивал новых учеников, что никто из них его не порадовал. А потом ответил на мой вопрос.

– Какой вопрос? – он рассеянно отхлебывал чай.

– О моих способностях, – она терпеливо пыталась привлечь его внимание, – ты помнишь, я писала ему, спрашивала, что мне делать. Учиться дальше, готовиться к сцене или забыть об этом. Ты ведь знаешь, я не смогу быть посредственной певичкой. Нет ничего ужаснее арии Кармен, исполняемой посредственностью! Это на эстраде можно петь кое-как, под фонограмму!

– Так что он тебе написал?

– То, что я и ожидала! Что способности, мол, есть, надо много работать, и тогда, может быть...

– Так что же тут плохого? – его кружка опустела, он отодвинул ее к середине стола. – Конечно, работать надо, а способности...

– Милый, не забывай, что мой Учитель – это не твой Беренштейн! Он говорит как есть, без перевода. И способности – это не талант. Много работать можно для развития этих самых способностей, а талант развить нельзя. Он или есть, или его нет. В общем, я после этого позвонила во Дворец пионеров, и они с радостью взяли меня вести кружок оперного пения. И не вздумай меня отговаривать! Я все уже решила!

– Послушай, может, ты не так поняла Учителя? Как он там писал? Дай, я прочитаю...

– Я сожгла это письмо. Все, не хочу больше говорить на эту тему! В конце концов, это даже к лучшему. Вот представь, ты приехал сегодня, а меня нет – я на гастролях! И кто бы тебе заварил твой любимый чай? Кому бы ты рассказывал о своем Беренштейне? Нет-нет, хватит нам в семье одного гения!

* * *

Так и жили они с тех пор, Маэстро и Муза. Он играл Великую Музыку, а она ждала его с ужином, выслушивала, утешала и ободряла. Но пришли лихие времена, его Музыка перестала быть нужной, Лучший Оркестр распался вместе со страной, и однажды темным осенним вечером Маэстро избили возле дома какие-то негодяи, отобрали деньги, сломали руку и испортили скрипку. Время было мрачное, все их накопления превратились в прах, и чтобы вылечить сложный перелом, починить скрипку и на что-то жить, пришлось продать свою квартиру и купить маленькую каморку под самой крышей.

Теперь он мог играть только для себя: прежняя техника стала недостижимой, хотя и сохранилось былое мастерство. Дома этого делать было нельзя – из-за соседей. Тогда он облюбовал себе местечко на проспекте, возле входа в дорогой ресторан, потому что Хозяин Ресторана считал его своей достопримечательностью и не давал в обиду. Играл, ни на кого не обращая внимания, не опускаясь до того, чтобы играть по заказу или просить деньги. Их скудных пенсий хватало на еду, лекарства и оплату своей каморки, но ничего больше они себе позволить не могли, да и зачем им что-то большее?

И всегда его Муза была рядом, ни одним словом не попрекая, а неся тяжесть бытия вместе с ним. Но сегодня ее увезли в больницу с приступом почечной колики. И доктор сказал, что необходима лапароскопия. Сейчас сделают анализы, а завтра с утра – на операцию, иначе будет очень плохо. Строго спросил, есть ли у него деньги, на что Маэстро ответил, что сегодня снимет их со счета и завтра утром привезет.

А дома он сложил свою старенькую скрипку в футляр и, ни на секунду не усомнившись, понес продавать, чтоб спасти свою Музу. Ведь без Музы он ничто, а Музыка... Что ж, Музыка может звучать просто в сердце. Только ни в одном ломбарде не хотели брать его старую, чиненую, но еще такую звучную и прекрасную скрипку!

Но ведь она, отвергнутая всеми, была его последней Надеждой! И он решил сегодня не стоять у входа, а впервые зайти внутрь, на открытую площадку. Подняться на эстраду и играть так, как не играл никогда в жизни. Там собирается богатая публика, и кто-нибудь обязательно захочет купить такой чудесный инструмент! Он не будет просить слишком много, только бы хватило на операцию...

А ведь тогда, в Мюнхене, его скрипку хотели купить...

В те годы далеко не каждый мог удостоиться зарубежных гастролей, да еще где – в ФРГ! Ему разрешили выезд, а вот флейтиста и вторую скрипку не пустили, пришлось срочно искать им замену. Но все равно они отыграли блестяще и заняли на конкурсе третье место. Учитывая эти замены и общий уровень конкурса, отличный был результат!

И вот тогда, после финального концерта, к нему пробился толстый пожилой немец в очках и темно-синем костюме. Он возбужденно лопотал что-то по-немецки, показывая на его скрипку, размахивал руками. Затем достал из кармана какой-то продолговатый блокнот и ручку, смотрел на него вопрошающе, спрашивал о чем-то...

К немцу быстро подскочили какие-то молодые крепкие ребята, начали тоже по-немецки что-то объяснять, уводя, оттирая его от сцены. Тот спорил с ними, жестикулировал, но его так и вытеснили из зала.

Позже руководитель объяснил ему, что герр Хоффман был восхищен игрой оркестра и хотел пригласить их поиграть у него в особняке, собирался написать в блокноте свой адрес и отдать ему, Первой Скрипке. Ну его и отвели к компетентным товарищам, которые могут решать такие вопросы.

А ему казалось, что в руках у немца была не записная, а чековая книжка (он знал, что это такое!). Тем более что у всех богачей на западе есть визитные карточки со своим адресом, которые они вручают,

вместо того чтобы писать в блокнотах. А зачем богачу трясти перед ним своей чековой книжкой? Ясно же, чтоб купить чудесную скрипку, на которой можно так прекрасно играть...

* * *

Маэстро не мог понять, зачем его позвали за столик к этому явно богатому и знатному человеку. Может, он захотел купить его скрипку? Но ведь Маэстро еще не играл, он никак не решался выйти на эстраду. Наверное, этот человек раньше слышал его игру? Да, конечно, так оно и есть! Теперь нужно не продешевить, но и сильно запрашивать тоже не стоит!

Большой Человек внимательно рассматривал подошедшего к столику Маэстро. Да, несмотря на явную бедность, этот дешево не продается. Такие просто не понимают, что такое деньги. Ну ничего, будет и на него цена!

– Присаживайся, любезный! – Большой Человек кивнул Хозяину Ресторана в сторону замершего Маэстро. Хозяин поднял палец, указал официанту на столик. Мгновенно появилась еще одна рюмка с коньяком, тарелка с малюсенькими бутербродами: икра, сыр, копченая колбаса.

– Присаживайся, говорю, не стесняйся! Так ты что, музыкант? Играешь здесь?

– Да, музыкант. Но я здесь не играю, – Маэстро присел на краешек стула, косясь на тарелку с бутербродами, – я просто рядом стою... Ну, для себя просто...

– Ладно, выпей сначала, поешь. Потом поговорим... – Большой Человек снисходительно приподнял свою рюмку: – Ну, за все хорошее!

Маэстро нерешительно пригубил коньяк. Взял с тарелки бутерброд с сыром, начал жевать, стараясь не проглотить сразу, чтобы потянуться за следующим.

– Так что говоришь, ты тут не играешь? Просто внутрь зашел?

– Да, я не играю здесь, но я хотел...

– погоди-ка, – Большой Человек остановил его, – о том, что ты хотел, мы поговорим позже. А пока я хочу понять, почему ты играешь за воротами, а не внутри? Неужели не хочешь заработать немного денег?

– Я не зарабатываю деньги таким образом... – глухо проговорил Маэстро, ставя рюмку на стол.

– Но почему? Тебе что, запахло сыграть какую-нибудь песенку для доброго человека, который платит?

– Я не играю на заказ, – еще глуше сказал Маэстро, не поднимая глаз.

– Ну-у! Вообще никогда? Ни за что? Ни за какие деньги?

Маэстро после каждого вопроса-восклицания слегка мотал низко опущенной головой. Затем вдруг вскинулся и горячо заговорил, почти закричал:

– Да как же вы не понимаете! Я играл Вивальди, Чайковского, Брамса, Глюка! Я играл Великую Музыку в Лучшем Оркестре! А что захотят услышать пьяные посетители ресторана? «Мурку»? «Владимирский централ»?

– ...Или «Семь сорок»? – казалось, собеседник даже сочувствовал ему.

– Да! Или «Семь сорок»? Да у меня рука не поднимется! И вообще, я музыкой не торгую!

– Так и не торгуй! Кто ж тебя заставляет! – казалось, Большой Человек даже радовался такому повороту. – Ведь это все мусор, а не музыка, все эти «централы», «мурки» и прочая хрень!

– Ну да, мусор... – растерянно подтвердил Маэстро.

– Ну так и торгани мусором, папаша! Оставь музыку себе, а нам, простым пацанам, сбавай веселый музон – поплясать, а? Ну те же «Семь сорок»!

– Нет, я не буду этого делать! – Маэстро хотел встать.

Московский BAZAR № 3 (21) 2016 г.

– Да ладно тебе! – Большой Человек достал бумажник, вытащил оттуда стодолларовую банкноту, бросил ее на стол. – Играй!

– Да за кого вы меня принимаете? – Маэстро вскочил, руки его дрожали. – Я лучше скрипку свою продам, чем буду...

– Сядь! Скрипку он продаст! – брезгливо прервал его собеседник. – Я принимаю тебя за того, кто ты есть! За нищего скрипача, который готов удавиться за принципы, который в жизни не видел ничего, кроме своих гастролей и концертов! Который не знает, что такое настоящие бабки! – он начал доставать из бумажника новые банкноты, по одной выкладывая их на стол. – Смотри, скрипач, это – твой трехмесячный бюджет! Это – жратва, о которой ты даже не слышал! А это – вечер с веселыми девчонками, которые разгонят твою старую, холодную кровь и вернут тебе молодость! Твоя скрипка мне и на хрен не нужна, но за пятиминутный концерт я плачу пятьсот баксов! Ты понял, старик, пятьсот! Играй, говорю!

Маэстро поднял голову, и первый раз посмотрел Большому Человеку в глаза. Улыбнулся и просто сказал:

– Да, теперь я все понял и буду играть!

Взял скрипку к плечу, поднял смычок. Простенькая мелодия незамысловатой еврейской песенки, дешевой и презираемой настоящими музыкантами, и впрямь звучала весело и беззаботно. Маэстро изгибался, притопывал, пускал игривые коленца и вариации. Публика за соседними столиками зашевелилась, слышались одобрительные возгласы, народ заулыбался: ну вот, «не играю, не играю»! Ведь может, подлец, еще как может!

Маэстро закончил играть, слегка поклонился. Подошел к столику, собрал деньги, развернулся и направился к выходу. Никто ему не мешал.

Большой Человек поманил Хозяина Ресторана, постучал пальцем по столу.

Тотчас на скатерти появились пять зеленых банкнот, которые высокий гость запихнул в бумажник. Погрозил Хозяину пальцем и усмехнулся:

– Интеллигент, говоришь, идейный, музыкой не торгует! У меня заторгует! Бабки – они все решают! Все продаются, только цена у каждого разная! Вон как твой бессребреник от счастья охренел, только не знаю, сразу к девкам побежит или сначала жратвы накупит.

Он повернулся и, не прощаясь, вышел. Хозяин, ухмыляясь, смотрел ему вслед. Все закончилось прекрасно! Он потерял пятьсот долларов, но совсем не огорчился. Это было вроде платы Большому Человеку за покровительство. Гораздо хуже, если бы он выиграл это пари и вздумал получить свой выигрыш. Да, это было бы для него гораздо хуже!

* * *

...А на следующий день Маэстро пришел домой из больницы, выпил две рюмки водки, чего не делал уже много лет, устало лег на свою тахту и вскоре заснул рядом со старой верной скрипкой, которую так и не смог продать.

Заработанных денег вполне хватило на операцию, прошедшую успешно, благо доктор был вполне удовлетворен тремя зелеными бумажками, сунутыми в карман его халата. Остальные две Маэстро разменял и накупил лекарств, еды, а также раздал нянечкам и санитаркам много мелких купюр, принятых теми вполне благосклонно.

Он так и не убрал бумаги, разлетевшиеся из шкафчика, когда в спешке искал ее паспорт и медицинскую карту для отправки в больницу. Ну что же, это можно будет сделать и завтра. А пока легкий ветерок из форточки шевелит среди прочего выцветший листок бумаги в клетку, аккуратно

Московский BAZAR № 3 (21) 2016 г.

вырванный из школьной тетрадки и исписанный мелким разборчивым, совсем не профессорским почерком. Вчера он выпал из старого блокнота с рецептами выпечки, а Маэстро не заметил его. Может, заметит завтра?

«Милая моя ученица! Очень огорчен Вашим решением... Вы ведь так талантливы... Я уже почти договорился о Вашем концерте... Чудесный, бесподобный голос... Разумеется, семейный долг, карьера мужа... все равно, очень жаль...»

Тс-с... Не будем мешать Маэстро, ведь он так устал в эти дни, пусть отдыхает.

У него совсем нет горечи от того предательства, которое он совершил по отношению к Музыке. Да и не предательство это вовсе, просто маленькая жертва во имя Любви. Что ж, кто-то жертвует принципами, кто-то талантом. Но никто не считает сколько отдает, потому что каждый платит неразменной банкнотой высшего номинала, имя которому – Все, Что У Меня Есть.

Евгения Худякова. Цветы в скалах, 2016, акрил

ПРОЗА

Владислав Кураш

(Украина)

КОРРИДА²

*Никто никогда не живет полной жизнью,
кроме матадоров.
Эрнест Хемингуэй*

Меня разбудил Педру. Он позвонил в начале шестого и сказал, чтобы мы собирались. Я умылся, почистил зубы, разбудил остальных и пошел на кухню готовить завтрак. Квартира ожила. В ванную и в туалет выстроилась очередь. В коридоре и на кухне началось движение.

В шесть приехала Жаклин, жена Педру, на своем «ситроене». Она отдала мне ключи от машины и попросила отвезти ее домой, в Пиньял Верди. Когда мы выезжали из Пиньял ди Фрадиш, позвонил Лусю и сказал, чтобы я, после того как отвезу Жаклин, заехал за ним.

Из Пиньял Верди я отправился в Круш ди Пау за Лусю, а оттуда в Пиньял ди Фрадиш за остальными. По дороге из Круш ди Пау Лусю рассказал, что сегодня мы будем помогать рабочим Карлуша Дуарте устанавливать арену для боя быков в Корройюш.

Саня, Николай и Гриша ждали нас внизу у подъезда. Они сели в автомобиль, и мы поехали в Корройюш. Всю дорогу Лусю рассказывал анекдоты, не переставая шутил и безудержно хохотал.

На въезде в Корройюш, возле Макдональдса, мы свернули на Руа да Игрежа, потом на Руа Флориш, по которой ехали еще минут десять, пока не уперлись в городской пустырь. За пустырем не было уже ничего – ни домов, ни улиц, лишь оливковая роща.

Я припарковался у обочины дороги, огибавшей пустырь, и мы вышли из машины. На пустыре работа кипела уже вовсю. Рабочие Карлуша Дуарте, владельца арены, снимали с грузовых автомобилей вертикальные фермы, секции трибун, скамейки, лестничные марши, опорные рамы, щиты, блоки, ограждения, настилы, стойки, поперечные траверсы и тут же соединяли их и монтировали в единую конструкцию. Арена росла на глазах.

Работа была несложной и по-своему интересной. Я представлял себе, будто мы собираем огромный конструктор для взрослых. Разгрузкой и сборкой руководил Аугушту. Он рассказывал и объяснял, что куда нести и каким образом крепить.

Спустя час Лусю на мобильный позвонил Педру. Не знаю, о чем они говорили, но после разговора Лусю сильно занервничал и подошел ко мне.

– Педру сказал, чтобы я забрал у тебя ключи от машины, – скороговоркой протараторил он.

² Коррида (порт. *corrida*) – быстрый бег.

Я достал из кармана ключи и отдал их Лусю. Тот с ключами побежал к машине и через несколько минут вернулся назад.

– Ключи пока останутся у меня, – снова затараторил Лусю. – Представляешь, Педру вчера в машине забыл шестьсот тысяч эшкуду! Переживает, чтобы никуда не пропали. Вечером, после работы, деньги нужно будет завезти к нему домой.

Я машинально, совершенно бездумно, скалькулировал в голове сумму, и меня в тот же миг точно молнией шарахнуло. Шестьсот тысяч эшкуду – это три тысячи в долларовом эквиваленте... Даже при самом лучшем стечении обстоятельств, учитывая, что я буду откладывать по триста долларов каждый месяц, чтобы заработать три тысячи, мне понадобится не менее десяти месяцев, а то и целый год.

Эта мысль штопором ввинтилась в голову. Я ни о чем больше не мог думать. Думал лишь о деньгах, которые лежали в машине.

А что, если грабануть Педру и с этими деньгами свалить на Украину, посетила меня вдруг следующая мысль. Он на нас зарабатывает такие деньжищи, а нам платит копейки. Справедливо было бы грабануть этого жмота. Нет, ничего не выйдет, поразмыслив, решил я. Деньги в машине. Ключи от машины у Лусю. Вокруг много народа. Ладно, допустим, я завладею ключами. А что потом? А потом домой за паспортом – и в аэропорт. Самолеты в Киев летают вроде бы каждый день. И вылет, насколько я помню, часа в два – в три.

Я посмотрел на часы. Было уже начало девятого.

Если поторопиться, можно еще успеть на сегодняшний рейс. А что делать с Лусю? А если Педру заявит в полицию и меня схватят? Тюрьмы только не хватало. Да уж, задачка.

Недолго думая я решил действовать. Лусю еще не успел далеко отойти. Он направлялся к грузовикам. Я позвал его.

– Лусю, подожди, – крикнул я ему вслед.

Тот обернулся. Схватившись за живот, я изобразил мучительный приступ.

– Прихватило, мне по-большому надо, – кривляясь, сказал я.

Лусю понимающе улыбнулся.

– Беги в рощу.

– У меня в машине салфетки.

Вначале Лусю хотел дать мне ключи, но потом передумал и сказал:

– Пойдем.

– Только быстрее, а то сейчас в штаны наделаю.

Пока мы шли к машине, я напряженно и лихорадочно думал о том, как завладеть ключами, но ничего толкового на ум не приходило.

Лусю открыл машину, я взял свою сумку и стал в ней рыться, нарочно затягивая время, судорожно думая о том, что же делать дальше.

И тут мне на глаза попался большой кухонный нож, который я всегда брал с собой на работу, чтобы резать колбасу и хлеб во время обеда. Я схватил нож и угрожающе направил его на Лусю.

– Я не хочу тебя убивать, – понизив голос, сказал я ему, – но если дернешься или закричишь, зарежу. Понял?

От испуга и неожиданности Лусю обомлел и лишился дара речи. Не в силах выдать из себя ни слова, он судорожно замотал головой.

– Ключи сюда давай и мобильный, – легонько ткнув его ножом в живот, сказал я.

Лусю безропотно отдал мне ключи и мобильный, который я сразу же отключил.

– Садись в машину, – чуть сильнее ткнул я ножом Лусю. – И без фокусов.

Лусю сел на переднее сидение рядом с водительским. Я сел за руль.

– Где деньги?

Лусю достал из бардачка пакет. Я пересчитал деньги, сунул их за пазуху. Взглянув на пустырь и не заметив ничего подозрительного, я завел машину, и мы поехали.

Всю дорогу до Пиньял ди Фрадиш Лусю молчал. Я боялся погони, поэтому торопился и гнал. На въезде в Пиньял ди Фрадиш Лусю спросил:

– Что собираешься делать?

– Не переживай, если будешь слушать меня, тебе я ничего не сделаю, – ответил я.

Через несколько минут я остановил машину у своего подъезда. Мы поднялись ко мне на этаж и вошли в квартиру. В квартире никого не было. Я связал Лусю руки и ноги, крепко привязал его к кровати и заткнул рот тряпкой.

Надо отдать должное Лусю, держался он молодцом и ни разу не пытался сопротивляться или провоцировать меня. Этого я боялся больше всего, потому что сам был сильно испуган и потому что не смог бы убить человека из-за денег.

Надо было поторапливаться. Я быстро собрал рюкзак, положил туда деньги и паспорт, переоделся в чистую одежду, отключил свой мобильный и тоже положил в рюкзак. Лусю лежал, привязанный к кровати, с заткнутым ртом и наблюдал за мной.

– Полежи немного тут, отдохни, скоро все вернутся с работы и развяжут тебя, – сказал я ему на прощание.

На вокзал в Фогетейру я решил идти пешком. «Ситроен» Жаклин остался у подъезда. Ключи от «ситроена» я забрал и вместе с мобильником Лусю выбросил на соседней улице в мусорный контейнер. Чтобы не попасться на глаза знакомым, я пошел окольными путями, избегая центральных улиц и людных мест.

По дороге на вокзал я зашел в «Континент». Там было отделение банка Western Union. Все деньги я отправил жене на Украину. Себе оставил лишь на билеты и на расходы.

Из Фогетейру я поездом доехал до Энтри Кампуш и там пересел на автобус, который шел в аэропорт. В аэропорту было много полиции и вооруженной охраны. Стараясь не привлекать внимания, я отыскал кассы и купил билет до Киева на сегодняшний рейс.

До вылета оставалось два часа. Рюкзак я не стал сдавать в багаж и поторопился к пункту паспортного контроля. Оказавшись в зоне ожидания, первым делом поменял все оставшиеся деньги на доллары, а потом зашел в бар и заказал кубинский ром и кофе.

От нервного перенапряжения меня всего трясло и сердце выскакивало из груди. Ром и чашка кофе немного успокоили, но не совсем. Я по-прежнему нервничал, с нетерпением то и дело поглядывая на часы. А время как назло тянулось медленно, превращая каждую минуту в вечность.

Наконец объявили посадку на самолет, и в зоне регистрации и предполетного досмотра образовалась длинная очередь. Когда со всеми формальностями было покончено, открыли зону выхода на посадку. Проследовав по длинному узкому тоннелю, я попал в самолет и занял свое место в салоне.

Последние предполетные минуты были самыми тяжелыми и напряженными. И только когда самолет оторвался от взлетной полосы и завис над землей, зарываясь в белые как вата облака, я окончательно успокоился и на какое-то время уснул.

Прямых авиарейсов от Лиссабона до Киева не было. В аэропорту Цюриха мне нужно было сделать пересадку на другой самолет. Пришлось проторчать там целую ночь в ожидании своего рейса. Лишь к вечеру следующего дня я прилетел в Борисполь. В аэропорту меня никто не встречал. Я поменял в обменнике доллары и сел на киевский автобус, который довез меня до железнодорожного вокзала, где я пересел в метро.

Домой приехал поздно. Жена уже спала. Я разбудил ее и сразу же с порога потянул в постель. Мы не виделись больше трех лет. Я сильно соскучился по ней и по ее телу.

Удовлетворенные и счастливые, не выпуская друг друга из объятий, мы уснули глубоко за полночь и проспали почти до обеда. А когда проснулись, я рассказал ей за чашкой утреннего кофе всю свою историю. А потом мы пошли в банк за деньгами.

По дороге в банк мы встретили ее брата Лёху. Он обрадовался моему приезду и напросился вечером в гости обмыть это событие. Деньги жена спрятала в комоде среди белья.

Вечером пришел Лёха. Мы накрыли стол и закатали веселую пирушку. А на следующий день, когда я решил проверить деньги, в комоде их не нашел. Я перевернул всю квартиру, но денег нигде не было. Жена призналась мне, что вчера вечером за столом рассказала все брату. Недолго думая я собрался и пошел к нему. Он сразу сознался, но денег мне не отдал.

– Нет у меня твоих денег, говорю тебе, нет.

– Где же тогда деньги?

– Лось у меня забрал твои деньги.

– Как забрал?

– Приставил пистолет к пузу и забрал.

– А откуда он узнал о деньгах?

– Ему Кривой рассказал.

– А Кривой откуда о деньгах узнал?

– Я ему за бутылкой пивка похвастался.

– Где найти Лося?

– Не советую. Не связывайся с этим придурком. Не убьет, так покалечит. Он никого не боится. У него батя прокурор. Отмажет. Не раз уже отмазывал. А тебе всю жизнь попортит, если к его сынку хоть пальцем прикоснешься. И разбираться не станет.

От досады и бессилия мне хотелось рвать волосы на голове и рыдать. Я был в исступлении и не знал, что делать. Лёха, как загнанный зверь, испуганно наблюдал за мной.

– И что же теперь? – взвыл я в отчаянии.

Лёха молчал и виновато улыбался. Это взбесило меня не на шутку. Не в силах сдержать себя, я засадил ему от души кулаком в глаз и пошел домой.

Дома я круто разругался с женой и довел ее до слез и истерики. Обида душила меня и жгла изнутри. Я был на грани нервного срыва. Ужасно хотелось напиться.

После ссоры жена собралась и ушла ночевать к родителям. Я остался один. И весь вечер просидел у телевизора. А потом лег спать с надеждой, что новый день принесет что-то новое.

ПРОЗА

Джон Маверик

(Германия, Саарбрюккен)

КНОПКА

Мы называли его Маленьким Принцем, хотя на принца он походил меньше всего. Тощий и кривобокий, и ходил чудно – одной ногой шагал, другую привлекавал. Да и с головой у него было не в порядке.

– Я, – говорил он всем, кто соглашался слушать, а таких с каждым разом находилось все меньше и меньше, – хранитель. И дед мой всю жизнь прожил хранителем, и отец – это у нас в семье наследственное. Передается от отца к сыну.

Если вы имели глупость спросить, кто такой хранитель, бегите, пока Маленький Принц не сел на своего любимого конька. Иначе он заболтает вас до смерти.

– Когда Бог творил Землю, – примется он рассказывать и, если вы не успели удрать, вцепится вам в рукав мертвой хваткой, – он все хорошо продумал. Весь механизм: и как солнце встает, а потом опять садится, и как звезды загораются, и как весна приходит после зимы, и приливы-отливы морские, и фазы луны. И как яблоки зреют, и снег идет, и гусеницы превращаются в бабочек, и птицы высиживают птенцов. Все должно было происходить автоматически и в правильном порядке.

Так говорил Маленький Принц, и, если в этом месте вы начинали смеяться, лицо его кривилось, точно от боли, и щеку сводил тик.

– Да, вот как Бог создал Землю! – говорил он, захлебываясь слюной, и от волнения получалось очень громко. Почти крик выходил. – Придумал так, что лучше и не надо. Но потом что-то разладилось. Земля-то старая, и механизм, что ей управляет, старый. Теперь, чтобы день начался, надо нажимать на аварийную кнопку. Тогда шторы поднимаются, и становится светло, и просыпается солнце, птицы поют... Она, эта кнопка, специально сделана на случай, если что-то заест, а не затем, чтобы пользоваться ей постоянно. Но если по-другому никак не работает, приходится все время давить на кнопку, правда? Давить и давить – пока рука не отсохнет.

Самое смешное, что у Маленького Принца и в самом деле была сухая рука. Поэтому даже те, кто до этого сохранял серьезность, усмехались, а девочки прыскали в кулак.

– Звезды выключить – кнопка! Туман разогнать – кнопка! Или, наоборот, облака собрать в кучу, чтобы пошел дождь. Кнопка! Да без нее ни один цветок не раскроется! Глаза продрать не успею, а уже бегу – нажимать. На пять минут опоздаешь, и люди поймут: что-то в мире не так. Сломалось. А понять они не должны. Начнется паника. Вот и кручусь, и отец мой так крутился, и дед, и прадед.

В общем, «проснулся утром – убери свою планету, иначе она вся зарастет баобабам».

Звали его по-настоящему то ли Карл, то ли Клаус, а то и вовсе Клод, какое-то стариковское имя, провонявшее нафталином. И, под стать имени, одежда, словно вынутая из бабкиного сундука, висела на нем, как на пугале.

– И это чучело – хранитель какого-то вселенского движка? – хохотали мы. – Клаус, а Клаус, а где она, твоя кнопка?

Маленький Принц напускал на себя таинственный и печальный вид.

– Не разглядите ни за что. Нужно знать, где она, а вы понятия не имеете и не понимаете, как все в мире устроено. Я и отец мой знали, а больше никто. Посмотрите, – он складывал обе ладони лодочкой, указывая ими куда-то вниз, себе под ноги, – вся Земля полая. А внутри у нее – рычаги и шестеренки. Как в часах, только сложнее. И кнопка – там же. Она маленькая и невзрачная. Надо, чтобы кто-то пальцем ткнул, иначе не заметишь.

Он так и пыжился, стараясь показать, какая на нем лежит ответственность. Топал ногой в разношенном ботинке так, что из-под его подметок летела пыль и видны становились контуры продолговатой чугунной крышки с надписью: «Гидрант». Таких люков было полно по всей улице. Совсем крошечных, не более десяти сантиметров в поперечнике, и маленьких, и больших, в которые вполне мог бы спуститься человек. В «гидрантах» прятались водопроводные краны – я сам видел, как их доставали во время дорожных работ, в маленьких люках – провода и розетки, а большие, очевидно, вели в канализационные шахты. Получалось, что улица и в самом деле полая внутри, начиненная всяким оборудованием, и Маленький Принц в какой-то мере оказывался прав.

Конечно, над ним издевались, как всегда глумятся над такими, как он. Мелюзга – чаще, а старшие ребята – изощреннее. Вымазать мелом дверь, которая болталась на одной петле и не запиралась, – видно, и красть у бедолаги было нечего – или позвонить в звонок и убежать – это забава для первоклашек. Оставить на пороге целлофановый пакет с водой – тоже много ума не надо. Мы умели штуки покруче. Петер, к примеру, подходил этак небрежно, с серьезным лицом, когда чудик сидел на лавочке у своего дома, и спрашивал:

– Не подскажете, который час?

У Маленького Принца отчего-то были сложные отношения со временем. Оно его пугало, почти вгоняло в ступор. Он застывал столбом и, бледнея, кренился, как дерево в бурю. Губы начинали дрожать, перекашивалась щека, и весь его облик, и без того уродливый и кривой, уродовался и кривился еще больше. На невинный вопрос о времени он или не отвечал ничего, или – невпопад – цедил сквозь зубы:

– Поздно.

Мы с Аникой давились от хохота, а Петер подчеркнуто вежливо переспрашивал:

– Что? Какой, говоришь, час? А, Карл?

Тогда этот кретин принимался смешно мотать головой, как будто в уши ему зудел целый рой голодных комаров.

Иногда я садился рядом с Маленьким Принцем на скамеечку и, притворяясь взволнованным, шептал:

– Клаус, ну, по секрету? Где твоя кнопка? А то вдруг с тобой что-нибудь случится – и мир пропадет без солнца?

– Со мной? – пугался он. – Нет, не должно!

– А вдруг?

Тогда этот придурок Клод смотрел на меня долгим прозрачным взглядом, и глаза его становились, как морская вода, синими и пустыми.

– А вдруг? – повторял он растерянно. – Нет, не хорошо. Кнопку я получил от отца, который ее получил от моего деда, значит, я должен передать ее моему сыну.

И тут из-за угла, как чертенята из табакерки, выныривали Петер и Аника, и мы втроем хохотали:

– У тебя никогда не будет сына, Клаус! Посмотри на себя в зеркало!

Но самую забавную шутку выдумала Аника. Она пекла для Карла пирожки со всякой гадостью – просто заворачивала в кусок готового теста что-нибудь несъедобное: бумагу, например, или опилки, и запекала в духовке. Маленький Принц съедал все. Не думаю, что он был такой уж голодный, в конце концов, ему платили какое-то пособие по инвалидности. Скорее он считал невежливым отказываться от угощения. А может, не хотел огорчать Анику. Морщился, но ел.

– Сожрал! – прыскала в кулак Аника, как только мы скрывались за углом и Карл-Клаус-Клод не мог нас слышать.

– А что там было? – интересовался Петер.

– Наверное, его мама в детстве учила не выбрасывать еду, – добавлял я.

– Да угольки, – хихикала Аника. – У нас вчера пицца в плите сгорела, подчистую.

– То-то вкусно! – потешались мы с Петером.

– Сухая трава, – говорила она в другой раз. – Тупой мерин сожрал сено. Вот дебил!

Ничего бы, наверное, не случилось, если бы однажды, незадолго до Рождества, Маленький Принц не разозлил Анику.

– Бедная девочка, никто тебя не любит, – пробормотал он, откусив от очередного пирожка.

Клаус, вероятно, хотел сказать, что некому было научить ее готовить, но Анику и в самом деле никто не любил. Она жила в приемной семье, и неродные папа-мама получали за ее воспитание деньги.

Так что Аника взбесилась.

– Ну я ему покажу! Я завтра так-о-о-е испеку! – грозились она, и глаза ее недобро блеснули.

Стоял бесснежный холодный декабрь, и Клаус-Клод сидел у дверей своего дома, постелив на скамейку газету. Мы подошли гурьбой – мерзлая земля хрустела под ногами – и Аника протянула ему свою выпечку. Завернутое в кусок теста подгоревшее нечто, оно еще хранило, казалось, домашнее тепло, и Маленький Принц благодарно взял его двумя руками.

– Спасибо, – он откусил примерно треть и проглотил, не пережевывая, как пеликан глотает рыбу. – Горячий! Хорошо зимой, согревает... А знаете, я передумал, друзья. Я покажу вам кнопку. Вам троим. Вдруг сына у меня не будет, и мало ли что.

Мы с Петером так и покатались со смеху. Но не смеялась Аника, а Клод отчего-то сник и, застонав, схватился за живот.

– Поздно, – проскрипел он, хотя никто не спрашивал, который час, и, согнувшись в три погибели, уполз домой.

Мы переглянулись.

– Что это он? – недоуменно спросил Петер. – Живот прихватило?

– Ребята, – сказала Аника, и голос ее морозно звенел, – я ему стекло насыпала в пирожок. Утром стакан разбила, случайно, а осколки смешала с хлебными крошками и...

– Зачем?! – одновременно закричали мы с Петером.

– Я не знала, что он сразу проглотит. Думала, откусит и язык обрежет...

Она беспомощно пожала плечами.

– Может, в больницу позвонить? – предложил я. – Пусть скорую за ним пришлют. А то помрет еще.

– Да ну, – отмахнулся Петер. – Ты хочешь, чтобы у нас неприятности были? Сам позвонит. Уж телефон-то у него дома есть?

– Я не уверен. И не сделают нам ничего. Мы несовершеннолетние.

– Пошли отсюда, – разозлился Петер.

Московский BAZAR № 3 (21) 2016 г.

Он действительно развернулся и ушел, а мы с Аникой немного пошатались по улицам. Настроение было испорчено. Мысли все время крутились вокруг Маленького Принца. Хотя и никчемный тип, но и плохого он никому не делал. Не за что было его стеклом кормить.

Стоя у соседского палисадника, Аника вдруг расплакалась.

– Алекс, а если он и правда умрет? Урод этот. Я что, получается, человека убила?

– Ну... – я не знал, что сказать ей в утешение. – Ну и ладно. Может, обойдется как-нибудь. Хочешь, я для тебя зимний цветок сорву?

Посреди колкого куста на гибком, точно резиновом, стебельке торчала полусухая роза.

– Не надо, она чужая, – Аника вытерла слезы. – Пока, Алекс. До завтра.

В декабре дни короткие. Не успеешь оглянуться, как уже стемнело, но этот съежился как-то удивительно быстро, увял, точно зимняя роза. Закатные оранжевые лучи скользнули по голым верхушкам яблонь, словно попрощались.

Зато ночь тянулась и тянулась. Я просыпался, открывал глаза и, видя, что темно, снова засыпал. Каникулы, в школу идти не нужно. Наконец почувствовал, что выспался, что больше не хочу. Встал и подошел к окну. Темнота. Только за поворотом горел фонарь, и там, где на асфальт падал его свет, улица блестела.

И тут зазвонил телефон.

– Алекс, – заорал в трубку Петер, – ты знаешь, который час?

– Поздно, – буркнул я машинально, – ...э ...что?

– Полдвенадцатого!

– Дня или ночи?

Я плохо соображал спросонья. В густом пепельном мраке сиял фонарь. Блестела улица. Мир словно превратился в дом с наглухо закрытыми ставнями.

– Дня, идиот!

– И что?

– Что-что! А то, что нам теперь самим придется искать эту чертову кнопку!

Евгения Худякова. Ночь, 2016, масло

ПРОЗА

Александр Стрельцов
(Москва)

СТАРУХИ

– Лидка! Возьми хоть лом! Поди наледь у колонки сбей. Наросла – ведра не поставит, – закричала от крыльца старая, когда-то рослая, сильная и красивая, а теперь сутулая, с обветренным морщинистым лицом, закутанная в истертую шаль женщина, заметив вышедшую из дома напротив соседку.

– Я в магазин, – прокричала та в ответ, потрясла пустой сумкой и захрустела порыжевшими валенками по свежему снегу в сторону селпо.

– Как вернешься, так и сделай! – не унималась женщина.

Лидка, коренастая, круглая, нос картошкой, щеки как свеклы, остановилась, поправила шерстяной, в цветах, платок на голове и по-боевому выпятила живот.

– Чтой-то я должна делать? Тебе нужно, ты и делай!

– А тебе не нужно? За водой чаще моего ходишь.

– Мне не мешает. Я ведро придерживаю.

– Трудно ли сделать? Ты ведь моложе. Кого еще просить? По всей улице одни старухи и остались.

– Что с того, что моложе? За всеми теперь ходить? Я небось тоже на пенсии. У тебя вон два сына, один вовсе рядом – на центральной усадьбе, да внук взрослый. А я всю жизнь одна. И больная. Позвони детям-то, пусть приедут тебе помогут.

Лидка, как рассерженная кобыла, шумно выбросила ноздрями воздух, отвернулась и враскачку зашагала дальше.

Женщина тяжело вздохнула, покачала головой.

– Ишь припомнила! Сыновья, внук. Все работают. Когда им? Внук тот и не здесь, а в городе. Другой сын у жены живет, сюда не кажется. Все ведь знает, а нарочно сказала, чтобы уколоть. Одна она. Кто тебе мешал мужика завести? Скажи, ни один с тобой ужиться не мог. Немудрено, с таким-то характером. Больная! Чего не придумает, чтобы отговориться! Мешки с картошкой на себе таскать – она не больная. Сена копну прёт – она не больная. А помочь – здоровья у нее нет! Сама бы сделала, да рука... Рука в плече... Не работает рука. Как что потяжелее – не поднимает. Потом наплачешься. И ведь знает об этом! Знает, а так говорит! О-хо-хо! Что теперь будешь делать? У мужа где-то ледоруб был. Пойти поискать!

– Что это тут за ящик поставили? – загремела Лидка, войдя в магазин. – Вчера не было.

– Читай! На нем написано, – отозвалась невысокая, в валенках с калошами, в советской моды синей болоньевой куртке, надетой на толстую вязаную кофту, в мохнатом клетчатом платке, покупательница. Внимательные глаза ее смотрели на Лидку со снисходительностью, как смотрят на дурачков, но в то же время и настороженно, как смотрят на собаку, которая может вдруг укусить. На волевом лице, хранящем следы былой привлекательности, несуразно смотрелся приоткрытый рот, словно готовый загоготать в ответ на какую-то шутку, а шутки все не было и не было.

– «Пожертвования на восстановление храма», – громко прочитала Лидка и посмотрела на продавщицу. – Валентина! Ты зачем его сюда поставила?

– Я, что ли? – огрызнулась рыжеволосая, с медным отливом, Валентина. – Из торга привезли, сказали, чтобы стоял.

– Жертвуй теперь! – наконец-то заговорила все та же покупательница.

– Вот еще! – заворчала Лидка. – Нет у меня денег на храм подавать. Ты, Зоя, меня богаче, ты туда и клади.

– А мне на что? – насмешливо спросила Зоя. – Собирали бы на свой, я, может, и дала бы. Глядишь, Господь и нас полюбил бы... А так – что-то где-то, то ли на храм, то ли кому-то на жизнь. Как узнаешь?

– На свой... Полно городить-то! Свой! От него фундамент один и остался. На кой черт его восстанавливать? Прожили без него и не вспоминали. И не дала бы ты на свой, – уверенно заявила Лидка. – У тебя рубля занять не выпросишь, а то она дарить расщедрится!

– Правильно, – Зоя перестала улыбаться. – Ты не занимай. Уживайся на свои. У меня кур-гусей полон двор, кормить нужно. Дочери помочь тоже нужно. Самой на лекарства, сердце лечить. Я десять лет на инвалидности. Лекарства, знаешь, сколько теперь стоят? Откуда тебе знать, ты вон какая здоровая!

– Лидка! – окликнула продавщица, прерывая назревающую ссору. – Тебе чего свешать?

Лидка подошла к весам.

– Давай два батона. Черствого, для цыплят, не осталось? Тоже два. Палку колбасы. Очень дорогую не вешай!

– Лидка! Тебе Тося что кричала? Слышно было, да слов не разобрать, – спросила другая покупательница, щупленькая, с мелкими морщинами у губ, со съехавшими на кончик тонкого носа очками, в черном пальто с цигейковым воротником, в кроличьей, словно пожеванной шапке и в войлочных, на молнии, ботинках, из которых виднелись пестрые вязаные носки, натянутые на серые, в одном месте зашитые через край рейтузы.

– А то ты не знаешь! – буркнула Лидка. – Все ищет, кто бы что бы за нее сделал. Заставляла лед у колонки сбить.

– Ну и сбей!

– Горазды все поучать! – насупилась Лидка. – Вы, Татьяна, с ней подруги. Пойдешь сейчас мимо, зайди, возьми лом да помаши.

– Я и лома-то не подниму, – улыбнулась Татьяна, и ее морщины перебежали от губ на краешки черных живых глаз. – Раньше, пока Сергей жив был, он тяжелую работу по дому делал. А теперь, без него, все рушится.

– У одной рушится, другая на инвалидности, у третьей рука – не рука! А где Тамарка? Ей сказать.

– Тамарку не ищите! – отозвалась из-за прилавка Валентина. – Она перед обедом заходила, вина взяла. До вечера теперь не добудитесь.

– Ты с Тоськой поосторожнее, – опять заговорила с Лидкой Зоя. – Обозлишь ее, а она колдунья. Порчу наведет.

Лидка промолчала, словно не слышала, зато нахмурилась Татьяна:

– Болтать-то!

– Мне ли не знать, я с ней бок о бок живу! Девчонка моя у нее под кухонным окном две гряды лука посадила, так весь лук погнил. Отчего, спрашивается?

– Наколдовала! – засмеялась Татьяна.

– Наколдовала! – обиделась Зоя. Уголки рта у нее опустились, и она стала похожа на сказочную говорящую рыбу, которой не поверили, будто бы она производит крестьянок в столбовые дворянки, а вместо этого понесли жарить.

– Пойду я, – сказала Лидка. – Некогда мне с вами лясы точить. Сейчас по телевизору новая серия начнется.

Бабка Тося сидела у окна в старых подшитых валенках и следила, что делается перед магазином. Увидев выходящую Лидку, торопясь, вошла в полушубок, отказанный ей кем-то из дачников за ненадобность, накинула шаль и зашпорила во двор за ледорубом. Опираясь на него, как на костыль, пошаркала на улице к колонке. За ней увязалась черная, в белых ботиночках, кошка Мурка.

Лидка молча прошла мимо, даже не посмотрев в ее сторону.

– Одну колбасу и жрет, – пояснила Тося кошке, углядев в Лидкиной сумке край «Докторской». – Обед сварить себе лень. Что за баба!

Лидка вошла в дом и сейчас же вышла обратно с топором в руке. Возмущенно сопя, подошла к колонке.

– Пусти-ка!

Она несколько раз с размаху ударила лезвием по ледяной шишке. Куски льда со звоном полетели в разные стороны.

– На вот! Можешь ставить свои ведра. Теперь не покатыся.

– Спасибо тебе! Зайди хоть, пирогом угощу!

– Вечером зайду.

Лидка ушла, а Тося присела на лавочку, которую она просила врыть у колонки еще мужа, чтобы бабы, ожидавшие очереди за водой, не стояли бы, утомляясь, без дела, а, наоборот, отдохнули бы на лавочке. Мороз не кусал, ветер едва шевелил голые ветки берез, оделась она тепло, можно и подышать на улице. Скоро начнет смеркаться, насидишься в доме при лампочке.

Увидев Тосю, к ней с дороги сошла идущая из магазина Татьяна.

– Чего сидишь?

– Гуляю. Садись и ты посиди.

– Холодно. Я пальто накинула только до магазина добежать.

Татьяна посмотрела на колонку.

– Кто лед-то сбил? Сама?

– Лидка.

– Это я ей сказала. Она было жаловаться на тебя стала, что заставляешь, а я ее пристыдила.

– Ленивая она. Как у нее куры еще не перемерли от такого ухода? Ни по хозяйству, ни за собой не смотрит. Летом по улице куда идет, фартука сального не снимет. Вернется к себе, сядет у телевизора и сидит, пока показывает. Потом дрыхнет до обеда.

– Отсыпается теперь. Прежде, в доярках, не разоспишься.

– То я не знаю! Боле нее на ферме. Нам доильных аппаратов не давали, все стадо руками выдаивали. Вон пальцы какие стали. Крючки, а не пальцы. Мы с Надюшкой Арсеновой в ударницах ходили. Такие вот дуры были, здоровья своего не берегли. Верили, что государство в старости о нас позаботится. Давно я ее не видела. Она, Татьяна, от тебя близко. Из дома-то хотя выходит?

– Редко. До скамейки у забора еле-еле дойдет, посидит – и обратно. Зимой не выходит. Плохая.

– Она мне ровесница. Я-то еще ничего.

– Тося! Что это Люба тебя колдуньей называет? Будто лук ты ей сгноила?

– Балаболка! Не знаешь ее, что ли? Она и в девках была балаболкой. Язык чесать, а от работы бежать. Учиться в техникум ради того только и поехала, чтобы, не работать, а не как мы. Агрономша, а лук сажать не научилась. Под лук гряду высокую роют, и на открытом месте, чтобы ветерком продувало. А она дочери сказала натывать в болотину. По сторонам дворы, позади забор с крапивой. Сгниет, когда земля все лето холодная и сырая. Наколдowali ей! Только бы нести!

– Так и я ее на смех подняла.

– Правильно сделала. Заходи вечером, я пирогов напекла.

– С чем пироги-то? – Лидка, не разуваясь, ввалилась к Тосе на кухню.

– С капустой, с яйцами. Зимой с чем тебе еще?

– Чаю дай! Сухомяткой не прожужешь.

– Вон на шестке возьми.

Лидка взяла старый, со щербиной на носике, заварной чайничек и открыла крышку.

– Чего свежего не заварила?

– Этот свежий, утрешний.

– Воняет, словно неделю стоял.

Тося сняла с полки жестяную банку и со стуком поставила на стол рядом с накрытым полотенцем блюдом с пирогами.

– На вот! Завари другого! – сказала она сердито.

Лидка пошла на улицу. Поболтав, выплеснула содержимое заварного чайничка на снег. Вернулась, ополоснула чайничек водой, сыпанула в него на глазок из банки, залила кипятком. Подождала, опять открыла крышку и понюхала.

– Тоже навоз. Но хотя бы свежий. Ты где такой чай покупаешь? Или у тебя с советской власти запас азербайджанского?

Тося хмыкнула.

– Запивай сырой водой, коли не так.

– Сахара-то дашь?

– Бери! Что я, прячу? Сахарница перед тобой!

Лидка положила три, вёрхом, ложки в стакан, налила до черноты заварки, разбавила кипятком, размешала.

– С сахарком другое дело. Проскочит.

Она выбрала в блюде пирог побольше и порумянее, отхватила от него треть и принялась мычать с набитым ртом.

– Хорошо ты печешь. Получается у тебя. У меня вот не получается.

– Не делать, так откуда получится, – в сердцах ответила Тося.

– Э-э-э! – заржала Лидка. – Честно, пробовала печь. При матери еще. Сестра тоже, кажись, еще замужем не была.

– Ага! Сорок лет назад ты пробовала.

– Э-э-э! – опять заржала Лидка и ухватила другой пирог.

– Можно к вам? – на пороге стояла Татьяна с двумя небольшими пакетами в руке. – Конфет тебе, Тося, захватила к чаю и костей для Сурка. Что-то его не видно?

– Спасибо! Заходи! Бегают где-то с собаками. Положи ему в миску. Ночевать придет, погрызет.

Татьяна принялась стаскивать ботинки.

– Не разувайся! – замахала Тося руками.

Московский BAZAR № 3 (21) 2016 г.

– У тебя вроде чисто.

– Какое чисто! Второй день не мела. Я хотя с утра и топила, но по ногам все одно дует. Так что не разувайся.

Лидка, увидев, что пришла Татьяна, ухватила очередной пирог, а еще один положила рядом.

– Где блины, там и мы, – пошутила на нее Татьяна.

– А ты что, не на блины пришла? – не осталась в долгу Лидка.

– Отведаю, почему. Но больше поговорить зашла.

– Вот и говори. А я поем.

– Давайте в комнату за стол! – предложила Тося. – Тут стало не повернуться.

– Давно бы, – заворчала Лидка, прижала к груди блюдо с пирогами, взяла недопитый стакан и направилась в единственную комнату дома к круглому, пятидесятих годов, накрытому выцветшей клеенкой столу. Татьяна подхватила сахарницу и чайные ложки. Тося понесла заварку и электрический чайник.

В комнате Лидка поставила такой же старый, как и стол, стул напротив телевизора, уселась на него и скомандовала:

– Тося! Включай кино глядеть!

– Он не кажется, – схитрила Тося, понимая, что с включенным телевизором никаких посиделок не получится.

– Позови Сашку Михайлова, он в этом смыслит, – научила Лидка и перетаскала стул к столу.

– Увижу, скажу, – согласилась Тося.

Татьяна высыпала конфеты из пакета на столешницу.

– Попробуйте!

Лидка сейчас же сгребла горсть и подвинула к своему стакану.

– Со сливой на обертке. Кисленькие. Я такие люблю.

– Ты в гостях все любишь, – не удержалась Тося.

– Э-э-э! – заколыхалась телом Лидка.

У дома послышались шаги, кто-то застучал по деревянным ступеням сапогами, хлопнул входной дверью.

– Тося! Дома ли?

– Вот и Тамара явилась! – засмеялась Татьяна, узнав по хриловатому голосу пропавшую с обеда односельчанку.

– Не запылилась! – хмыкнула Лидка.

– Дома! Дома! Заходи! – откликнулась Тося. – Снег веником обей!

В комнату вошла среднего роста, широкая в бедрах, краснолицая старуха. Розовый шерстяной берет сбит на ухо, под беретом жидкие седые кудри. Старая телогрейка застегнута наспех, на две пуговицы. К замызанной расклешенной юбке прилип куриный пух. Ободранные на мысах, со стоптанными каблуками сапоги обуты на голые, в сосудистых узлах ноги.

– Томка! Сдурела! – охнула Тося. – По морозу с голыми ногами!

– Что тут до тебя? Минута, – прохрипела Тамара и пошутила. – Не на свидание, чай.

– Свиданий тебе мало! – захохотала Лидка. – Годов до шестидесяти мужиков к себе таскала?

– А ты не завидуй, – отмахнулась Тамара. – Вас тут, гляжу, вся честная компания. У Тоси как медом намазано, все к ней тянутся.

– Вся, вся, – опять заворчала Лидка. – Только тебя не хватало.

– Что ты злая какая? – Тамара посмотрела на Лидку, как смотрят на жужжащую муху.

– С чего мне доброй быть? Чему радоваться? Ты, поди, не на меня любоваться пришла, а за бутылкой?

– Как ты догадалась? Тось! Я к тебе. Дай! У тебя есть, я знаю. Утром куплю, отдам.

– У меня для дела. Колька Баклан обещал мешок комбикорма нагрести в хранилище.

– У тебя не последняя.

– Ты сегодня уже хватанула.

– Когда это было? Дай на вечер! Весной помогу гряды вырыть.

– Посиди! Будем расходиться, принесу. К пирогам едва не опоздала, на блюде пара осталась, поешь.

– Есть не хочу.

– Водка, она, говорят, сытная, – встряла Лидка, но Тамара ей не ответила.

– Тамара! Для чего ты пьешь? – спросила Татьяна. – Разве у тебя дел никаких нет? Мужиков пьющих жалко, а как женщина пьет – того жалче.

– Ой, Татьяна! В деревне всех дел не переделаешь. А пью-то? Привыкла. Не могу теперь без этого. Да и не хочу. Пока трезвая, жизнь вспоминается. И вспоминается, зараза, самым плохим, самым безобразным, что было, чего и вспоминать не желаешь. А выпьешь – хорошо, спокойно, не тревожно, не больно. Мечтаю, напьюсь однажды до беспамятства и помру. И слава богу!

В одном из незадернутых окон показались пол-лица с глазами, выглядывающими, что там творится у Тоси в доме.

– Эва! – заметила лицо Лидка. – Зойка шпионить пришла.

Увидев, что ее обнаружили, Зоя заторопилась войти.

– Доброго вечера всем! Сидишь, сидишь перед телевизором. А что сидишь? Ни ума, ни добра от него не прибывает. Так, время провести. Дай, думаю, Тосю проведу!

– Давно не виделись, – засмеялась Лидка. – Со вчерашнего дня.

– Ага! – кивнула Зоя. – Смотрю, вроде у Тоси народ. Гляжу – все те же. У тебя, Тося, навряд ли клуба.

– Только кино не показывают, – не смолчала Лидка. – Говорят, что сломалось.

– И не нужно его, – махнула Зоя. – О чем вы тут?

– О смерти, – ответила за всех Лидка.

– Хы! Чего о ней?

– Мечтаем, кому как умереть удобнее. Тебе, Зоя, как удобнее?

Зоя оглядела баб, не разыгрывают ли ее, не нужно ли заготовить в ответ на Лидкин вопрос. Увидела печальные глаза и замялась:

– Как Господь даст. Да я пока и не собираюсь.

– Конечно, не собирается. Она, небось, всех пережить мечтает, – неожиданно резко вступила Тося. – Лекарства ей, вишь, дочь сумками возит.

– Тебя-то точно переживу! – так же резко ответила Зоя.

– Я всех переживу! – ударила кулаком по столу Лидка. – Не о чем и спорить. Почему мне вас не пережить? Вина, как Томка, не пью. На огороде, как Татьяна, не убиваюсь. И годов мне только шестьдесят четыре, а не как вам, за семьдесят. Тосе так и вовсе восемьдесят два.

– Восемьдесят три на днях, – поправила Тося.

– Так что оставляйте, бабы, мне пшена по пакету, могилы вам на Пасху посыпать буду, – засмеялась Лидка.

– Неизвестно еще, – сердито возразила Зоя. – Может, тебя раньше нас скрутит. Смерть, она у каждого от рождения за спиной стоит. Другое дело, не знаешь, когда ударит.

– Тося! Где у тебя чашки? – обратилась она к хозяйке, пытаясь завершить неприятный разговор. – Попью с вами.

– Возьми в буфете.

– Что вы за тему подняли? – вздохнула Татьяна. – Пока живые – о жизни и говорите!

– Оттого и подняли, – завелась Лидка, – что жизни наши прожиты. Нечего нам от них ждать. Впереди теперь только одно событие – смерть. Все о ней думают, все ее боятся, все к ней готовятся, все желают ее обмануть, всем хочется на нее посмотреть. У Надюшки Арсеновой даже гроб куплен, несколько лет на чердаке стоит. Так хотелось ей знать, в каком гробу ее понесут. Кто платье на смерть отложил, кто иконку на грудь, кто завещание каждый месяц переписывает. Так отчего же, Татьяна, вслух не помечтать о том, о чем каждый про себя давно издумался?

– Не публичная это тема, – возразила Татьяна. – Интимная сфера, тайна каждого. Конечно, с каждым годом смерть к нам все ближе, но разве это причина для того, чтобы перестать радоваться жизни? Перестать стремиться пожить подольше?

– Публичная... интимная... – бушевала Лидка. – Я ваших городских слов не понимаю. Ты полвека в городе, приехала в родное село культурная, рассуждаешь о тайнах. Отчего тебе не радоваться жизни после легкой работы да с хорошей пенсией? Ты пузо на молочных флягах не надрывала. А я устала. Устала от бессмысленно прожитой жизни. Устала от пустых стен. Устала сажать картошку, которая мне не нужна. Устала ходить за скотиной, которая мне тоже не нужна. Устала думать, что ухажу пустоцветом и никого-то у меня нет, никто мне не нужен, что и сама я – тем более никому не нужна.

– Сама виновата, – жестко проговорила Зоя.

– Чем виновата? – почернела глазами Лидка. – Тем, что осталась одна? Тем, что чужих мужиков, как ты, не пыталась ни у кого отбить?

– У кого это я пыталась отбить? – зло посмотрела на Лидку Зоя.

– У Тоськи! До сих пор ее ненавидишь, что Степан к тебе не ушел.

– Надоела ты, Лидка, своей брехней!

– Почему брехней? – отозвалась Тося. – Она правду говорит.

– А! – сорвалась Зоя. – Забыть не можешь! Не простишь! А мне на твое прощение – чихать! Плевать! Мне того довольно, что Маринка вышла на Степана похожей. Что, прожила, не замечала?

– Замечала, – вздохнула Тося. – Что с мужика возьмешь? Кобель и есть кобель. Но верно ведь говорят: сучка не захочет, у кобелька не вскочит.

– Да! Захотела! Что мне его было, палкой отгонять, если вился? Я тебя на десяток лет моложе. С чего мне было тебе уступать?

– Живой мужик был, – заметила Тамара. – Озорной.

– Ха-ха-ха! – нервно засмеялась Зоя. – К Тамаре тоже от тебя бегал!

– Не от нее, – не согласилась Тамара. – Ее покрывал, не обижал. Сил имел много. Как хороший петух. Вот и шлялся по дворам. У нас после войны сколько баб было вдовых? Сколько девок незамужних осталось из-за того, что парней перебили? Так что благодарность Степану и на том свете. Баловал он со многими, но никто, Зоя, увести его от жены и не думал.

– Шли бы вы все судить! – вспыхнула Зоя. – Свои грехи сперва сосчитайте!

Она бросила недопитый чай и пошла прочь от Тоси.

– Хотела на восстановление храма жертвовать, – задумчиво проговорила Татьяна после ухода Зои. – Вам тут не храм, а чистилище нужно.

– Знаешь, Татьяна! – рассердилась Лидка. – Ты себя особенной не выставляй. Вы такие, не такие, я другая. Другая – зачем к нам ходишь? Сиди одна, книжки читай!

– Что ты на людей бросаешься? – спокойно и грустно спросила Татьяна. – На Зою тоже. Хуже всех тебе? Одиноких у нас – тысячи. И тяжелее твоего живут. А у тебя руки-ноги целы. Дом не валится. Пенсию хоть какую носят. На здоровье не жалуешься. Устала... Что, когда злобствуешь, отдыхаешь?

– За Зою не заступайся. Я ее терпеть не могу, так и она меня тоже. Бывает, месяцами не разговариваем. Не сходимся натурами. Лживая она, лицемерная. А я люблю правду в лицо говорить.

– Отдыхаю ли я? – Лидка обмякла и улыбнулась. – Когда на вас погавкаешь, душу отведешь, вроде легче становится.

– Для того бы и храм восстановить, чтобы было где душу успокоить, чтобы человеком из храма выходить, а не так, как теперь – хуже собак бываем, – сказала Татьяна.

– Храм поставить, все разом смиренными сделаются? Полно придумывать-то! От человека, а не от храма зависит, хуже собаки он, лучше ли, – возразила Лидка. – Так что пустое это дело. Незачем корячиться. И Богу не до нас, и нам не до Бога. Свыклись. Нет тяги к Богу. Может быть, это и плохо. Да только притворяться верующими, со свечками в галстуках стоять, как вон по телевизору показывают, это еще хуже.

– Что, у нас церковь строить собрались? – удивилась Тося. – Не слыхала.

– Ящик для денег в магазине поставили, – объяснила Лидка. – Собираются где-то восстанавливать, только не у нас.

– А-а! – разочарованно протянула Тося. – Не у нас. Пусть бы там и собирали, где собираются.

– А я про что?

– У нас бы восстановить – хорошо, – продолжала Тося. – Ты, Лида, не помнишь, а я-то хорошо помню. Храм у нас был большой, красивый. В праздники народу набивалось тыщи две. Я еще девчонкой была, а все равно чувствовала. Идешь после службы, а дышать легко, радостно. Зачем разрушили? Кому мешал? Власть... Дуракам власть дали, чего не покуражиться?

– Я колокола помню, – заговорила Тамара. – Колокола у нас были звонкие, чистые. Зазвенят, Тося правильно говорит, душе радостно. Не помню, кто звонарем был?

– Тришкин отец, чай, – сказала Тося.

– Он не старостой ли был?

– Старостой – Паникашин.

– Ага. Верно. Поставили бы храм, я бы ходила. Тогда, может, и водку пить бросила.

– Не знаю, – начала сдаваться Лидка. – Мне без надобности.

– Теперь – что? Теперь поздно, – вздохнула Татьяна. – Прихожан в селе – десять бабок да двое дедок. Если уж Лиде Бог не нужен, то молодежи и подавно. Валентина говорит, что пивом и водкой магазин только и держится, так бы давно прогорел. Там теперь храм. И там теперь Бог. Я оттого и сказала, что чистилище нужно. Ладно, не вам. Ошиблась. Всем нам.

Во входную дверь поскреблись, и послышался собачий лай.

– Хозяин пришел, – засмеялась Лидка.

– Хозяин пришел, и нам пора, – Татьяна поднялась уходить.

– Тось! – напомнила о себе Тамара.

– Сейчас принесу.

Тося сходила во двор и принесла оттуда холодную, сейчас же запотевшую в тепле поллитровку водки. Тамара хмыкнула, убрала бутылку в карман телогрейки и в очередной раз завершила Тосю:

– Завтра с утра точно отдам.

Тося проводила Татьяну с Тamarой и впустила собаку.

– Лидка! Все нагостились, разошлись, а воды капли нет, посуду помыть нечем. Чего бы не спросить, не помочь ли чем? Не-е-ет! Никто!

– Ладно. Не кричи! Давай пособию! – Лидка взяла ведра и направилась к колонке.

Принесла воды, поставила ведра на скамейку у печи, присела на табурет:

– Зойка – змея какая!

Тося промолчала, не желая продолжать тему.

– Ты баню когда топить будешь? – заговорила о другом Лидка.

– В четверг.

– Я приду. Ты бабам не говори, что я тебе воду носила. Смеяться будут.

Что-то хотела добавить, передумала и молча ушла к себе.

Тося заперла на засов входную дверь и устало присела на табурет. Стычка с Зоей, разговор о Боге растревожили ее.

Лидка сказала про Зою правду, да ведь и Зоя про нее, Тосю, тоже сказала правду. Не может она Зойке ни простить, ни забыть. Как узнала, что та Степана привечает, не сердцем, а телом пытается увести, так и ужалила ее ревность, не утихавшая с годами, а, наоборот, зудящая все сильнее и распухшая до ненависти и мечте о мести. Тося скрывала от людей, от мужа это свое чувство и желание отомстить за обиду. Скрывала за улыбчивостью, за показным добрым, участливым отношением к соседке. Зачем скрывала, зачем двоедушничала? Вначале боялась Степана, что прибьет. Потом, когда ушло время, стала бояться огласки, насмешек над собой, что-де молчала-молчала, да вдруг замычала. Потом стала осторожничать, чтобы не спугнуть жертву своей мести. Ей казалось, что Зойка ни о чем не догадывается. Как будет выглядеть месть, когда она случится, Тося не знала, но понимала, что нужно затаиться, не подавать вида, что Зойка ей лютый враг, чтобы удар вышел внезапным и оттого сокрушительным. А потом... Потом привыкла жить двумя жизнями и чувствовала, что, откажись она от тайной своей жизни, от скрывающих ненависть неискренности и притворства, прости Зою, потеряй в ней врага, она потеряет и самый смысл жизни явной, пропадет сок, питающий ее, что станет мучиться без притворства, как мучился муж-курильщик, когда в доме не оказывалось табака.

Зоя ведь сильно выпивала, пока не нажила себе диабета. Что ей? Незамужняя. Знай гуляй! И гуляла. Корова вечером недоена. Куры не кормлены. Ребенок в грязи. Так она за Зою корову подоит, курам зерна задаст, дочку ее помоем и кусок хлеба к молоку отломит.

Все село знало, что Зойка нагуляла от Степана ребенка, но про то, что творится в Тосиной душе, никто не догадывался. Даже Лидка, гроза притворных баб, не разглядела Тосиной двойной жизни. Все хвалили Тосю и судили Зою. Одна лишь Зоя, как ни скрытничала Тося, правильно угадала, что хлопочет Тося для нее не из добра, а из презрения к ней, из желания унижить ее. Из того, чтобы показать, вот, люди добрые, смотрите, она мне злом, а я ей лаской.

Угадала Зоя, а что скажешь? Не верьте, люди! Это Тося не от доброты, а от ненависти Маринке портки стирает! Никто не поймет. Свиньей неблагодарной назовут, это да. Перехитрила Тося соперницу. Нашла, как отомстить за пережитую боль. Но мстила необычно, по-своему. Мстила заботой и попечением, где за заботой Зоя чувствовала презрение, а за попечением отвращение.

Была такая месть, да не вся. Положила себе Тося за цель пережить Зою. Ты моложе, а сдохнешь за дела свои раньше. Вот тогда, представлялось Тосе, она и сочтется с обидчицей по полной, по справедливости, вот тогда и освободится от гнета ее душа, вот тогда она и сможет окончательно торжествовать.

Все разглядела Зоя в тайных замыслах Тоси, учуяла, как волчица капкан. Но вот ведь есть закон. От ненависти любовь не рождается. Это от любви до ненависти один шаг, а обратно – нет.

Обратного хода не бывает. Ненависть ненавистью и возвращается. Засветились и в Зойкиных глазах злые огоньки на Тосю, да и на всех, кто Тосю нахваливает, а ее осуждает. Со злобой, если она напоказ, в селе не больно уживешься, так принялась Зоя прятать злобу за усмешкой, за грубоватой простотой общения, за притворным дружелюбием к Тосе. Пошла Тосиной дорожкой, а другой и не искала.

Ненависть – раковая опухоль души. Не иссеченная вовремя, она прорастает в человеке, вытесняя все доброе, что было в нем, и становится в конце концов повелительницей над ним, подчиняя себе все его мысли и поступки, доставляя то наслаждение мечтами о торжестве над объектом ненависти, то муки от понимания невозможности торжества.

Так и корчились от боли пораженные ею души, так и коверкали их метастазы непримиримости и злобы, но ни одна не пожелала исцеления. Не может же быть, чтобы они не знали, не понимали способа исцеления! Одной сказать: «Прости! Что было, то было». Другой ответить: «Прощаю! Что было, то прошло».

Лет в сорок, или за сорок, прибился к Зое вдовый мужик, пьющий, конечно, но рукастый. Снес ее вросшую в землю развалюху и поднял избу выше Тосиной. С тех пор Зоя стала смотреть на Тосю по-другому: с издевкой, тоже насмешливо. Вроде как местами с ней поменялась. Ютитесь, мол, со своим Степаном в сарае, а я теперь барыней хожу. Ты передо мной сыновьями гордилась, а где они? Что вам, старикам, новых хором не поставят?

Явила прямо в сердце. Что было Тосе делать? Терпеть. Один-то их сын вышел – возразить нечего – бестолковым, ни в кого. Жил с женой в соседнем селе, а как за тремя морями – не дозовешься. Да и не сказать, что жил. Пил, остатки ума пропивал. Когда и приедет, лучше бы не приезжал. Дел не доделает, просит: дай, мам, похмелиться. Другой умный, спорый, а тоже бросил. Сидите в этой холодной грязи сами, а я к жене на чернозёмы поехал.

Тося согнала запрыгнувшую на плечи Мурку и пошла проверить, не забыла ли запереть на ночь дворовые ворота. Вернулась, села к столу.

Думай теперь, отчего жизнь так прожилась? То ли сама где напутала, то ли Бог все назначил? Если назначил, то с чего именно ей? Ни в чем перед ним не провинилась: не лгала, не воровала, не убивала, мужу не изменяла, трудилась в поте лица. А долю получила самую скудную. Или других баб взять. У кого доля завидная? Ни у кого. Посмотреть хотя бы на Тamarу. Она долго среди них оставалась красавицей. Овдовела, но духом не упала. Сломалась, запила после того, как сын на себя руки наложил. Господь прибрал! Для чего, Господи, тебе Тамарин сын сдался? Парень был не хуже остальных, живи да радуйся! Только жить-то не дали. Одно дело в городе затеял, кавказцы пригрозили, плати им. За другое взялся, милиция принялась вымогать. Загнали парня. Ты, Господи, почему не вмешался? Почему у тебя в любви лишь те, кто совесть потерял? Дал бы и нам, честным людям, хотя годочек пожить сытой жизнью.

Она окинула мысленным взором свое хозяйство. Все валится. Крыша потекла, видно, шов на железе разошелся. Половицы на кухне перекошились – идешь, спотыкаешься. Двор тонет, нижние венцы сруба давно в земле и уж трухой сыпятся. Печь дымит, замазать некому. Все нужно делать. На все нужны деньги. Где их взять? Жизнь прожили – дня сложа руки не сидели. Работали, работали, а денег нет. Верно говорят, трудом праведным не наживешь хором каменных. Праведным не наживешь, а неправедным мы не умеем.

К ней подошла Мурка и принялась тереться о ноги.

– Сейчас дам, – сказала Тося, взяла со стола литровую банку с молоком и налила кошке в миску.

Увидев, что кормят кошку, заволновался и тихонько заскулил старый, с сединами в шерсти Сурок.

– И тебе дам, не скули, – заворчала Тося. – С пустых костей какая сытость? Угощение она для собаки принесла! Хотя бы хрящей положила. Куда там! Хрящи, небось, курам отдала.

Тося сняла с плиты холодную кастрюлю с перловкой, варенной в говяжьем бульоне, и натрясла оттуда собаке. Потом еще раз наполнила электрический чайник, достала из шкафчика коробку с дорогой, привезенной по заказу из города заваркой, новый заварной чайничек, вынула из стола тарелку с отложенными пирогами.

– Самой поест. На этих разве напасешься?

Старухи с утра собрались в магазине. Не столько покупать, сколько обсудить, что в селе делается.

– Что-то Лида не идет, – забеспокоилась Татьяна.

– Рано ей, – сказала Тося. – Не проснулась, поди.

Старухи засмеялись.

– Зато вон Тамара ковыляет, – объявила стоящая у окна продавщица Валентина.

– Эта понятно зачем, – заметила Зоя.

Все опять засмеялись.

Тамара вошла в магазин и с порога поздоровалась.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте! – слышалось в ответ. – Проспалась ли?

Тамара махнула рукой и направилась к прилавку.

– Валюша! Дай две бутылки!

– Ты на время смотрела? Рано пока. Нельзя.

– Давай! Давай! Все свои. Никто на тебя не напишет.

– Дай ей! То помрет, – заступилась за Тамару Зоя.

– Какую тебе?

– Обыкновенную. Какую всегда.

Валентина выставила две поллитровки и взяла у Тамары деньги.

– Тося! На вот! Долг, – Тамара протянула одну бутылку Тосе, та тут же спрятала ее в сумку.

– Ты мимо шла, чего Лиду не разбудила? – пошутила Татьяна.

– К ней младшая сестра, Алка, из поселка приехала. Их машина у дома стоит, – ответила Тамара.

– Что это она спозаранку? – удивилась Тося.

– Не случилось ли чего? – забеспокоилась Татьяна.

– Эй, бабульки! – произнесла Валентина, глядя в окно. – Скорая помощь проехала. Не к Лиде ли?

Старухи заволновались и двинулись к выходу.

– Пойти посмотреть!

Они молча, в тревожном ожидании, подошли к скорой помощи. Подождали, никто не идет. Тамара собралась было зайти разузнать, как из дверей вышла заплаканная Алка с фельдшером.

– Нужно либо доплатить нам за доставку в морг, либо вызвать перевозку. Но перевозка обойдется дороже, – говорил фельдшер.

– Мы доплатим, – кивала Алка.

Следом за ними шла тоже зареванная Алкина дочь. Она направилась к дворовым воротам, потянула за створку, отступила, пропуская на улицу водителя скорой помощи и Алкиного зятя, несущих носилки. На носилках горой лежало покрытое простыней тело.

– Лидка! – охнула Тамара.

– Вот тебе и пережила, – усмехнулась Зоя.

– Как же это? – спросила ошеломленная Татьяна.

– Словно накликала – сказала Тося, хотела добавить «Бога ругала», но промолчала.

– Ночью insult, – сказала подошедшая к старухам Алка. – Она ведь давлением мучилась, а внимания не обращала. Я ей сколько говорила! Она до телефона доползла, но почему-то позвонила не в скорую, а мне. Я среди ночи слышу звонок, Лидка что-то в трубку пытается сказать, не могу понять что. Говорю ей: «Не понимаю, утром заеду». Вошла, она на полу лежит. Пока скорую вызвала, пока дождалась, она и дышать перестала.

Алка расплакалась.

«Ищет на кого вину переложить. Скорая, вишь, виновата, долго ехала», – подумала Тося, но сказала другое:

– Как бы она скорой отперла, когда insult? А у тебя, небось, ключ. Потому тебе и звонила.

– Кто же знал, тетя Тося! – Алка с укоризной посмотрела на старуху и направилась решать вопросы с фельдшером.

– Никогда и не жаловалась ни на что, – пробормотала, поежившись, Тамара и вспомнила про себя. – Водки граммa не пила.

– Царство ей небесное! – перекрестилась Татьяна.

– Царство ей будет чересчур, – возразила Зоя.

– Почему это чересчур? – сузила глаза Татьяна.

– Дура была полоротая. Какое ей царство? За что? За то, что орала во всю ивановскую, что от жизни устала? Устала? Лежи теперь, отдыхай! И в Бога не верила.

– Покойников, Зоя, не ругают, – заметила Тося. – Не брала бы ты греха на себя. И про Бога... Что ты судишь чужую душу? Где тебе знать? А я думаю, что Лида верила. По-своему, но верила. То, что против храма... Она и без храма жила, сильно не грешила.

– За что царство? – сердито переспросила Татьяна. – За то хотя бы, что была честным человеком, не в пример тебе, Зоя! Доброй была, но доброту скрывала, считая ее своей слабостью.

– Добрая! – гоготнула Зоя. – Где это ты в ней доброту разглядела?

– Помнишь, водопровод на улице чинили, а яму потом не засыпали? Яма глубокая, а в ней вода ледяная. Так Лида лето стерегла, чтобы никто из малышей к этой яме не подходил. Чуть что, окошко распахнет и кричит оттуда: «Ну-ка, отойди!» Упал бы туда ребенок, температурный шок, и нет его. Это, по-твоему, как? Злой человек так поступал? А все село мимо ходило, никому до детей дела не было. Или в другой раз, я на неделю уезжала, а у меня ветром забор повалило. Сколько мужиков мимо прошло, никто не поправил. Лида одна, хотя мы и не соседи, принесла колья да кольями забор подперла. Отчего это она так поступила? Оттого, что дура? Отчего ты, Зоя, умная, зятя не послала подруге помочь?

– Верно Татьяна говорит, – согласилась Тамара. – Она хотя и грубая была, матюги через слово, а как позапрошлой зимой я застудилась и слегла, так кто за мной ходил? Лида и ходила. Ты, Зоя, тогда даже и не наведлась.

– Вы, поди, сговорились против меня! – ощерилась Зоя.

Она отвернулась от старух и, увидев, что Алла рассчиталась со ссорой, а довольный фельдшер сел в кабину, позвала ее:

– Алла! Ты кур Лидкиных теперь куда денешь?

Алка помедлила, как бы соображая, время или не время говорить о делах над телом сестры, решила, что сестре не все ли равно, а Зоя, похоже, не просто так спрашивает, и ответила:

Московский BAZAR № 3 (21) 2016 г.

- К себе перевезу, а там продам.
 - Ты всех не вози, – попросила Зоя. – Я пяток несущек помоложе у тебя куплю. Почем продавать будешь?
 - Договоримся.
 - С домом что будешь делать? – продолжала напирать Зоя. – Тоже продавать?
 - У тебя покупатели есть? – оживилась Алка, черные глаза ее засверкали, а слезы испарились, будто бы их и не было.
 - Для внука если, когда женится... Ты, небось, дорого запросишь?
 - Задешево смысла нет. Дом большой, – привычка торговаться и нахваливать свой товар, усвоенная за многолетние выезды на рынок то с огурцами, то с вишней, то с картошкой проснувшись в Алке, казалось, помимо ее воли.
 - Дом большой, да стоит в низине. Сырой. Участок маленький, – принялась сбивать цену Зоя.
 - Участок хороший, – не согласилась Алка. – Для дачников так даже и великоват. А если дом сырой, вырой канаву, она воду и вытянет.
 - Мам! – позвала Алкина дочь. – Пойдем, покажешь, что из дома забрать!
 - Сейчас приду, – прервалась Алка и отошла дать указания.
 - Кто в селе теперь могилы роет? – спросила она, вернувшись.
 - Кто придется, – ответила Тамара. – Курок с Колей Митиным чаще.
 - Попросить их. Они где живут?
 - На новой стороне. Да ты не рвись. Валька-продащица им скажет. Где рыть, скажи?
 - У матери в ограде, где еще?
 - Не беспокойся, сделают. Такая беда.
 - Спасибо за помощь. Приходите помянуть.
- Алка, утирая слезы, которых больше не было, направилась в дом перетряхивать Лидкин сундук, чтобы подобрать одежду поприличнее, в которой Лидку положат в гроб.
- Это Тося ее уморила, – вдруг заявила Зоя, лишь только Алла с дочерью и зятем скрылись в доме.
 - Это как же? – удивилась Тамара.
 - Порчу навела. Она ведь колдунья. И Лидку не любила.
 - А кто у вас тут кого любит? – строго и внимательно посмотрела на нее Татьяна. – Ты тоже ее не любила.
 - Это какое отношение имеет? – насмешливо отреагировала Зоя на Татьянин вопрос.
 - Такое, что мы все, и Тося тоже, жалеет Лиду, а ты вроде рада ее смерти?
 - Не грущу! – с вызовом ответила Зоя. – Отмучился человек. И других отмучил. Ты помрешь, за тебя тоже порадуясь.
 - А я вот тебя пожалею. Ты на Бога роптала, что любви его не видишь, но не поймешь никак, что прежде тебе Бога полюбить нужно, творения его, людей полюбить.
 - Зоя! Ты что такое сказала? – до Тоси дошел смысл Зойкиных слов.
 - Что слышала, то и сказала.
 - Это как же я уморила?
 - Порчу навела. Лидка вчера со всеми от тебя не ушла, поругалась, небось, с тобой. Ты со злости ей и устроила.
 - Ты что несешь! Ты хотя подумала? Ты в чем меня винишь? Ты за что меня обижаешь?
 - Ты! Ты! Больше некому, – продолжала твердить Зоя.
 - Сколько я тебе доброго сделала! Сколько помогала! Тебе все не впрок. Что ты этакое на меня наговариваешь? Лидку уморила! Если бы кого и уморила, так тебя! Лидка всех нас лучше

была. Ворчала я на нее, не отказываюсь, так я на всех ворчу. А у тебя, Зоя, стыда нет! И совести тоже нет! – когда-то голубые, а теперь выцветшие Тосины глаза наполнились слезами:

– А не ты ли, Зоя, вчерашним упреком ее извела?

Она повернулась и медленно пошла к своему дому.

– Да! Я! Перекладывай теперь. Скажи еще, что не колдунья! – крикнула ей вслед Зоя. – Я много могу про тебя рассказать!

– Не сердце тебе лечить нужно, а голову, – сердито оборвала Зою Татьяна и направилась утешать Тосю.

– Эх, и дура! – покачала головой Тамара и тоже пошла вслед за Тосей.

Весной, в самую черемуху, внезапно, как и Лидка, умерла Татьяна. Приехали дети, наскоро схоронили рядом с мужем.

Старухи были напуганы. Они косились на Зою, она-де еще зимой Татьяне предрекла, и шептались, что смерть не случаем к Лидке заходила, что, зная, пошла по их улице и гадала теперь, на чей двор и когда завернет в другой раз.

В другой раз, не через месяц ли, ушла Надюшка Арсенова. Тося с Тамарой плелись за похоронной процессией, а в процессии – с десятков человек да два бедных веночка – и тихо переговаривались.

– Троих взяла, – говорила Тося. – Может, уйдет теперь?

– Дай-то Бог! – соглашалась с ней Тамара. – Я хотя и ждала умереть, а теперь думаю, нет, пожила бы еще.

Остаток лета ничем больше не потревожил старух. Они занимались привычными делами: стряпали для себя и на птицу, выкашивали сады и луговины перед домами, не давали зарости огороду, поливали. Городские дачники, кряхтя и держась за поясицу, удивлялись, откуда в древних бабках столько сил?

Наступившая теплая осень неторопливо листала свои дни, и с каждым новым днем страхи старух становились все невероятнее, все призрачнее. Всех огорчений только и было, что у Тоси околела Мурка. Тося несла окостеневший труп бросить за огородами в лебеду и плакала и от жалости к кошке, и от жалости к себе.

По утрам старухи привычно собирались в магазине и радовались, что все оставшиеся живы и здоровы.

«Ушла!» – думала каждая и надеялась, что та, которую все они боялись, если и вернется, то не за ней.

В октябре, когда увядающую осеннюю красоту стали пощипывать утренние заморозки, не стало Тамары. Умерла она, как и мечтала. Напилась, уснула и не проснулась.

– Ишь! Не ушла, – бормотала Тося. – Вздумала, видно, всех разом выкосить. За Тамаркой-то мой дом в черед.

Тося испугалась. Страх неотвратимого, паника оттого, что нельзя ни задержать, ни отвернуть, ужас от бессилия противостоять и необходимости смириться перевернули ее душу. Тося решила бежать.

С утра Тося пришла на автобус. Односельчанин, недавний пенсионер, собравшийся улаживать какие-то свои дела в районе, и несколько молодых женщин, ехавших на центральную усадьбу на работу, были потрясены ее появлением.

– Баба Тося! Вы куда?

– До поселка.

– В больницу что ли?

– Ага! В больницу.

– Чего скорою не вызвали? К вам, по вашим годам, приехала бы.

Московский BAZAR № 3 (21) 2016 г.

- Ни к чему скорую. Так доеду.
- Теть Тось! Вы ведь лет двадцать никуда не ездили!
- Больше! Ни к чему было.

Молодухи, одна из автобуса, двое, подталкивая с улицы, помогли ей забраться в салон и, не выдержав комичности зрелища, рассмеялись.

- Ничего, ничего. Доеду, – улыбаясь вместе с ними, кивала Тося.

Женщины наказали другим пассажирам помочь бабушке выйти в поселке, а сами со смехом выпорхнули через три остановки.

Тося ехала на почту. Она придумала позвонить сыну, не тому, что рядом, от того помощи не ждала, а другому, что уехал к жене в станицу на теплый юг, пусть бы он забрал ее к себе!

Почта с телефоном были и в селе. Общественный телефон стоял и в магазине. Многие деревенские провели себе телефоны домой. Но на почте, в магазине, у соседей услышат, о чем она будет говорить, а Тося не хотела, чтобы слышали и знали, словно, услышав и прознав про ее тайный план, кто-то предупредит ту, от которой она бежала.

Сын удивился Тосиной просьбе и принялся было отговаривать. Но она, со слезами в голосе, принялась жаловаться, как тяжело ей в последние годы, как никто ей не помогает, как неизвестно за что невзлюбила ее старшая сноха и не то, чтобы взять к себе, сама лишний раз не навестит. Старухи вокруг поумирали, умрет она, никто и не встряется.

«Заберу, – обещал сын. – Но не враз. Нужно комнату для тебя подготовить, денег на поездку подкопить, машину найти нанять. Пока то да се – зима. А что в дороге случится? Зима есть зима. Тебе не двадцать лет. Потерпи, мать, до весны». – «Потерплю. Только весной приезжай обязательно».

Воодушевленная, Тося вышла из почты и направилась в большой магазин купить на радостях свежего мягкого печенья, а то у них вон Валентина мышеловку в коробку с печеньем ставит.

Сын приехал в начале марта. Сошел с дневного автобуса с рюкзачком, будто со смены вернулся, и зашагал к дому.

Тося увидела его в окно. Постарел, на отца-то как стал похож! Не знала бы, решила, что Степан идет, воскрес.

Она заторопилась на улицу встречать.

– Юрка! Ты что же не на машине? – Тося испугалась, что сын передумал ее брать и приехал только навестить и сейчас скажет ей об этом.

Сын угадал ее мысли, обнял и успокоил.

– Там у нас люди копейку больно сильно любят. Отсюда нанять дешевле. Я с товарищами своими школьными созвонился. Славка Поляков на «хюндае» отвезет. Просил только бензин оплатить. Помнишь Славку?

– Все за карасями на пруд ходил. Помню.

Юрка гостил неделю, улаживая Тосины дела и навещая, кто жив, старых друзей. Написал заявления по газу и электричеству, перевел Тосину пенсию на новый адрес, вызвал старшего брата, отругал его, что плохо смотрел за матерью, оставил, но не ему, а его сыну, ключи от дома и поручил дом продать, а половину денег от продажи передать матери на уход. В последнюю очередь отвел Сурка к другу детства, который согласился кормить старого пса и закопать, когда придет такая нужда.

В один из теплых мартовских дней, лишь только обтаяла и просохла дорога, подъехал Славка.

Погрузились, в десятый раз проверили, отключены ли газ с электричеством, в двадцатый раз повторили инструкции родственникам, которым предстояло смотреть за домом, сын пошел в машину, а Тося все стояла у крыльца.

– Как тетя Тося трудно расстается с родиной, – сказала продавщица Валентина, вышедшая вместе с Зоей из магазина на улицу, чтобы помахать односельчанке рукой на прощание. – Губами шевелит. Молитву, что ли, читает?

– Молитву..., – усмехнулась Зоя. – Она знает хотя одну?

Тося читала не молитву. И смотрела она не на свой дом, а мимо, на Зоины четыре окна и выгороженный штакетником палисадник.

Не молитву... С минуты, когда Тося решила бежать от смерти, прошедшая жизнь словно обвалилась, осыпалась в ней. Ее уже ничего вокруг не тревожило и не волновало. Даже судьба дома – что в нем было хорошего? – перестала ее беспокоить. Она мысленно со всем простилась и всем простила. Всем, кроме Зои. Мысль о Зое, мысль о мести не давала ей заснуть изнурительными зимними ночами. Она уедет, а Зойка останется ликовать? И Тосина тайная мечта, мечта, ставшая смыслом жизни, плюнуть на могилу соперницы, так и не сбудется? Не-е-ет! Будь что будет, но она ей сделает! Прости, Господи!

Шептала Тося не молитву...

Ныло в сердце колючим осколком минувшей жизни одно воспоминание. День, когда ей открылись отношения Степана и Зойки. Степан наорал на нее, обещал прибить, если будет мешать, и стал в открытую, когда вздумает, уходить по ночам к молодой соседке. Не зная, где искать спасения от нагрянувшей беды, ошеломленная, потрясенная Тося рассказала про свое унижение и обиду лучшей подруге Катюше Марфиной. Катюша поохала, поругала Зойку и придумала скрытно ехать к старухе, которая может приворожить, но и отворожить тоже может.

Тося слышала об этой старухе-колдунье, которая жила в глухом углу за две деревни от них. Слышала, но не верила слухам о старухиных чудесных способностях. Она так и сказала Катюше: «Люди чего только не придумают!» Но Катюша, вытаращив глаза, принялась уверять ее, что про старуху все – чистая правда, кто ни обращался, всем помогла. И какой у Тоси есть другой выход?

Другого выхода Тося не увидела. Со вздохом согласилась. «Говорим, что верим в Бога, а за помощью спешим к дьяволу. Верим? Стало быть, не верим».

Степан в тот день пришел сильно выпивши. Тося спряталась от неопределенного скандала, а когда муж упал спать, побежала к Катюше. Та запрягла лошадь и погнала телегу проселками к старухе.

Старуха за десятку сделала отворот и, поддавшись Тосиным слезам, предложила научить заговору, который изведет недоброго к ней человека. Однако предупредила: зло, что мяч, отскакивает, может выйти, что и самой не поздоровится. Смотри вперед и думай!

Тося смотрела вперед и думала. Бывало, близко подступала к краю, когда обида камнем давила сердце и от ненависти белело лицо, когда тайные слова сами рвались на волю. Но всякий раз – нет, Тосю словно обдавало холодком, она останавливалась, понимая, что не сможет погубить человека. Пусть бы сама!

Теперь, когда Тося обрывала прежнюю жизнь, когда припомнила последнюю обиду, которой стремилась dokonать ее Зоя, обвинив в смерти Лидки, она решила. Она ведь не увидит, как это будет.

«Звала меня колдуньей, стало быть, дозвалась», – подумала Тося, произнесла последние слова заговора.

Посмотрела на свой дом.

– Она в другой раз придет, меня не застанет. И в третий раз придет, а меня нет. Тогда к Зое пойдет. Больше тут к кому? Всех уже взяла. Пусть теперь к Зое идет!

– Мать! Кончай прощаться! – окликнул из машины сын. – До вечера не уедем!

Тося вытерла кулаком потекшие слезы и побрела к дороге.

Солнце к середине апреля запылало, как березовых дров в печную топку накидали. Жар в неделю согнал из садов остатки осевших сугробов. Зоя, в стеганой поддевке поверх байкового халата, в светлом платке, направилась, помогая плохим ногам посошком, по участку. Огляделась, нет ли кого поблизости, зашла на Тосин намерок. Пошла между деревьями и, остановившись, заломила несколько веток на вишнях и старой яблоне. Пристально посмотрела на Тосин двор, что-то пошептала, и недобро улыбнулась:

– Убежала ты! Как же! Не переживешь! Не надейся!

Зоя вдруг ясно увидела, как давным-давно, а словно вчера, когда была она сочной ягодкой, а не сморщенной грушей, ездила на колхозном «газоне» за две деревни к старухе-колдунье и заплатила тридцать рублей за приворот Степана. Не понимала она тогда никаких запретов, а знала только, что заполучить Степана ей нужно любой ценой. Водителю Зоя сказала, что нужно отвезти ее к знахарке по женским делам и дала бутылку водки. Так он на обратном пути, отхлебнув из бутылки, хохотнул, что сам ее полечит и заехал на глухую поляну. Что она могла поделать? Согласилась, лишь бы парень держал язык за зубами.

Нет такой подруги, которая не выдаст тайны другой подруги хотя бы кому. Знать чужой секрет и помалкивать о нем – это невыносимая, неодолимая мука! Не каждому по силам.

Когда Степан не ушел от Тоси, Катюша Марфина проговорила Зое, отчего так получилось, и рассказала, как возила подругу к колдунье и та сделала Степану на нее, Зою, оборот.

Зоя посчитала себя обманутой и, разгневанная, во второй раз примчалась к бабке, чтобы потребовать деньги назад. Бабка, не улыбочивая горбунья, встретила ее тяжелым взглядом, как прибила, так что у Зои заготовленные слова словно растворились на языке. Старуха запретила Зое приходить к ней и пригрозила, если еще раз увидит ее в своем доме, сделать так, что Зоя и вовсе ходить перестанет. В утешенье колдунья научила Зою словам, которые, коли девка решится, помогут устранить соперницу. Зоя струхнула требовать полной справедливости, успокоила себя тем, что деньги не пропали, а получила она за них заклинание, но Тосю с того времени, намекая на бабку, на то, что ей про Тосю все известно, стала звать колдуньей.

Верила ли Зоя во всю эту чертовщину с заговорами и заклинаниями? Вначале верила, иначе зачем поехала к бабке? Потом усомнилась. Потом и вовсе посчитала чепухой, о которой и вспоминать стыдно. Чепуха чепухой, но бабкиных слов она не забывала. Слова стали соблазном. Они манили скрытой силой и неизвестностью: а вдруг не чепуха? Они будоражили сознание мыслью о том, что, возможно, жизнь другого человека находится теперь в твоей полной власти и лишь от твоей воли зависит, продолжать эту жизнь или ее прекратить. Слова позволяли каждый миг чувствовать свое скрытое преимущество перед другими людьми и этим придавали уверенности.

Отчего Зоя не воспользовалась заклятием сразу, хотя бы в тот же день, как узнала о нем? Боялась навредить себе. Она молодая, жить и жить, а ну как и ей отольется? С годами, когда повыветрилась из головы дурь, а ее место мало-помалу занимала рассудительность, вытравливать Тосю со своего пути стало не нужно. Чувство к Степану иссякло, находились другие мужики, да и возраст подсказывал теперь иные поступки и решения. Одной лишь неутраченной ненавистью к ней Тоси оправдывала Зоя то, что заклинание ею не забыто, а сидит в памяти прочно, словно имя и день рождения дочери. «В новостях говорят о “стратегии

сдерживания агрессора”, и у меня стратегия, – посмеивалась она. – Бабкино заклятие – мое ядерное оружие».

Внезапный Тосин отъезд, сказать вернее – паническое бегство, подготовку которого она держала в строгом секрете, настолько строгом, что наказала и сыну ничего никому не объяснять, а отвечать, что просто приехал проведать мать, и село обо всем догадалось, лишь увидев, как в машину носят Тосины узлы и сумки, разозлило Зою. Она вновь, как и с бабкой-колдуньей почувствовала себя обманутой, обведенной вокруг пальца. Даже не только обманутой, но и обворованной. Из ее жизни на ее глазах изымали часть, важность которой она осознала сейчас, когда эта часть ускользала, переставала существовать. Зоя почувствовала, как сбалансированный механизм ее бытия начинает идти вразнос, теряя одну из своих опор.

Кому она теперь будет сопротивляться? Кому пакостить? Кого дразнить? Над кем посмеиваться? О ком распускать сплетни?

Зоя разделяла деревенскую уверенность в том, что если смерть пошла по какой-то улице, то не забудет навестить всякого, кто ей приглянется. Она ждала Тосиной очереди. Тосино обещание пережить соперницу, над которым Зоя издевалась, все же неприятно тревожило ее. И вот теперь, с Тосиным бегством, та выскальзывала из объятий близкой смерти, а очередь переходила на Зою.

Что же будет? Старая стерва, Зойкина ненавистница, будет теперь жить в покое и достатке, поправляя свое здоровье на теплой погоде и щедрой природе, и, чего доброго, вправду переживет Зою?

Время меняет людей. Часто в молодости видишь одного человека, в старости – совершенно другого. Многие меняет время, но не все. Как в молодости, так и сейчас, Зоя не желала уступать. Тосина хитрость, чем дальше, тем больше, заливала Зоин рассудок яростью. «Шиш тебе, а не меня пережить!» – эта мысль крепко зацепилась где-то внутри Зои и в конце концов оформилась в навязчивую идею.

В один из апрельских дней, когда солнце грело жарче печки, Зоя поняла, что не желает больше себя сдерживать. Она оделась и вышла в сад. Сделала, как полагалось, заломы на ветвях деревьев, которые принадлежали ее врагу, собралась с духом и произнесла заклятие. Задрожавшей рукой – никак не ожидала такого – обтерла выступившую на лбу испарину, затянула потуже узел на платке и пошла к себе ставить чайник.

На майские праздники разлилась такая теплынь, что Зоя выползла погулять все на той же лавочке у колонки. Подруг, чтобы поговорить, не ждала, не осталось их никого, сидела и смотрела, кто пойдет или проедет по дороге, к кому гости пожаловали, чьи дети приехали из города огород копать. Почувствовала себя нехорошо – вроде как начала неметь левая нога. Заспешила в дом, чтобы прилечь.

Днем к Зое зашла дочь Маринка и почти сразу побежала в магазин.

– Валентина! Дай позвонить!

– Звони! Тебе куда?

– Врача вызвать.

– Что случилось?

– Что-что... – грубовато ответила Маринка. – Ноги у матери отнялись, вот что.

– Госпитализировать не имеет смысла, – сказала врач. – От возраста не вылечишь. К чему готовиться и когда? Сами понимаете, взрослые люди. Срока назвать не могу. Бывает, что быстро, но бывает, что и долго.

Ушла Зоя стремительно, третьего числа, в ночь, близко к полуночи.

Продавщица Валентина, которая умудрялась знать все и про всех, рассказывала потом собравшимся бабам, не забывая щелкать костяшками счётов:

Московский BAZAR № 3 (21) 2016 г.

– Она, когда ей самое последнее оставалось, бормотала не пойми чего. Вдруг так ясно произнесла: «Вместе». К чему сказала? Кому сказала? После, как дух ушел, лицо перекосилось, такое страшное стало – как есть ведьма! Думали накрыть в гробу чем-нибудь лицо-то. Решили сразу крышку приколотить. А то как прощаться? Ужас какой! И поп не поехал, сказал, заочно отпоеет.

В начале лета опустевший Тосин дом приехал проводить внук и заглянул в магазин.

– Не продали дом? – тут же поинтересовалась Валентина.

– Никто не покупает.

– Бабушка как поживает?

– Бабушка? Вы не знаете? Она умерла.

– Умерла! – охнула Валентина. – Когда же?

– На майские.

– На майские! – повторила за ним Валентина. – Какого числа?

– Третьего.

– Когда? В котором часу? – Валентина, пугаясь своей догадки, ожидала ее подтверждения.

– Точно не знаю, – пожал плечами внук. – Ночью. Где-то к полуночи.

– Ночью! – Валентину передернуло как от озноба. – Ишь ты! День в день, час в час. Какая упорная! Не дала Зойке пожить, за собой утащила.

Она продала внуку сигарет, позвонила дочери, пусть бы та бросала все и приходила подменить ее, что-то ей не по себе, открыла красненького и – спаси, Господи, и помилуй! – залпом выпила стакан, чтобы полечить пережитое нервное потрясение.

Через миг замерла от пришедшей новой мысли. «Может, все было не так? Это ведь Зоя, умирая, сказала: “Вместе”. Может быть, наоборот, это Зоя Тосю...»

Валентина разволновалось сильнее прежнего и налила себе еще полстакана.

Евгения Худякова. Девушка в саду, 2016, масло

ПОЭЗИЯ

Надежда Гусева

(МОССАЛИТ, Москва)

НА ОСТРИЕ БОРЬБЫ МИРОВ

Поэма о единстве граней видимого и невидимого и немного о России

*Моим любимым и единственным
мужу Юрию и дочке Оленьке посвящаю*

*От веры к разуму нет видимых дорог,
И путь искателей суров и одинок...*

В отличие от веры рассудок всегда сомневается, напоминая человеку, что Пророки и Святые были людьми, а время неизбежно что-то теряет из духовного наследия человечества. Но только время дает право на признание живущему здесь и сейчас, кем бы он ни был, развенчивая или возвышая его.

Истинный смысл вещей, происходящих иной раз вне времени земного пространства, даже при желании, открывается не сразу.

Пролог

Какие-то пришельцы
упрекали наш порядок,
твердили, что
не нужен нам такой,
стыдили и качали головой,
произнося то «Ох!», то «Ах!»,
то «Ой-ё-ёй!»,
а иногда «My God!»
и даже «Боже мой!».
«Ну да, конечно, был порой
и кавардак, и несурезицы,
но, видит бог,
ни разу не случился сбой,
способный повредить
устоям матрицы», –
так думал Виктор –
этой повести герой.

Его несла
по кругу жизни карусель,
доставленная
с процветающих земель
как дар, как взлет
на новую ступень.
Но Виктора не радовал
наставший день.

И, привлекая
помыслы о лучшем,
как после амнезии
злополучной,
он облегченно
вспомнил вдруг
родной далекой
карусели круг.

И, без труда расставшись
с лодочкой скрипучей,
мгновенно позабыв
недавний стресс,
он устремился
в скоростной
экспресс...

А мы в привычный бег
земных забот вернемся
и с головой в людские
страсти окунемся.

Глава первая

ЛЕТАРКА

Дом

Обычно Виктор
приходил с работы
позже Тани,
а нынче с давним другом
вовсе были в бане.
После парилки
с паром преотличным
приятели зашли в кафе,
поговорили
о всемирном и о личном,
и Виктор был
легонько подшофе.

Друг, как всегда, привез
озерную форель.
У Виктора жена –
охотница до рыбки,
и муж, предвидя
Танину улыбку,
без роздыха, взяв хлеб
трезвонил в дверь,
как повелось: три длинных,
два коротких мелодичных.
И гробовая тишь в ответ
казалась драматичной.

В нем тут же заскулил
дотоль дремавший зверь.
Наверное, у всех мужчин
такой сидит в засаде,
и смолodu, и в зрелости,
и даже на закате.
«А может, женушка
опять строчит стишата

и целиком ушла
в другую параллель?
И даже – что за хрень! –
Она ему – не рада?!»
И, с парой крепких слов
про дребедень,
в запале резко пнул
ногой в преграду,
и следом улетучился
весь хмель.

Теперь, когда обида
на жену пропала,
ему не по себе
от трезвых мыслей стало:
«Дверь заперта
стальной задвижкой изнутри,
а значит, сколько тут
ключами ни крути,
без взлома, это точно,
в дом мне не войти».

Он запоздало вынул
из кармана телефон,
но, «как подорванный,
вот черт!», молчал и он.
Балкон и окна
прочно заперты. Стоит зима.
Квартира затаилась,
словно крепость иль тюрьма.
От нетерпения,
волнения и досады
он поднатужился
и разом снес преграду.

«Что с тобой, Таня?!»

Жена, как мертвая,
лежала на диване,
в дневной одежде,
не откинув одеял.
Он несколько секунд
как в ступоре стоял,
до нитки спарясь,
но теперь уже не в бане,
и выпил воду
недопитую в стакане,
бесцельно глядя
на морозное окно.

«Что с ней такое
сделаться могло?»
Чуть приподняв,
он тряс жену –
она не шевелилась,
и только змейка
пуговиц искрилась,
играя бронзовым
отливом в медь.

«Танюха, ну пожалуйста,
хоть что-нибудь ответь,
не может человек
вот так внезапно умереть!»

И тут от мрачных дум его отвлек
Туманный свет окна квадратный.
Он прокрутил в уме судьбы клубок,
Направив мысли
к ниточкам отрадным.

И дверка в прошлое
чудесным образом открылась:
он вспомнил, как жена
не раз с ним ранее делилась
про необычный,
странно долгий сон,
и помнится,
что летаргией звался он.
Она была девчонкой
лет шести,
а дверь, как и теперь,
пришлось снести.

Целители редкого недуга

Чтобы найти в Москве
целителей недуга,
он спешно обратился
к сведущему другу.
Сам Виктор многим
выручалочкой служил
и с детских лет
мужскою дружбой
дорожил.

Домой к нему явились
сразу двое знатоков.
Ученый консультант
был худ смертельно,
переносясь, как лист,
гонимый ветерком.
И, шелестя сухим
скрипучим голоском,
старик, однако, плел канву
расспросов дельно.

Его сопровождал
молоденький очкарик,
и каждый глаз его светился,
как фонарик.
Таких ботаниками
с детских лет зовут.

Едва окончив
медицинский институт,
он, к слову, на спор мог рулить
в густом тумане,
а после вдруг обрел талант –
смотреть сквозь ткани.

С претензией подняться
на Олимп наук,
имея, кроме прочего,
загробный слух,
он чувствовал себя
порою, как в нирване,
напоминая загулявшего
по пьяни.

Московский BAZAR № 3 (21) 2016 г.

А Виктор, глядя
на причудливых спецов,
невольно думал,
что они его дурачили,
и тут же прилепил им

ласковое *врачики* –
пригодное для
столь заумных мудрецов.

Магнитологи и объект

Молоденький не медля
приступил к задаче:
то свое ухо
к телу Тани прилагал,
то кучу всяческих
присосок прилеплял.
Потом вещал про суть
диковинных предметов,
«владевших свойством
магнетических
эффектов».
И замерял рукой
энергию «объекта».

Затем крутил
передвижные окуляры,
но вскоре ими завладел
наставник старый.
А шумный пучеглазый
магнитолог,
как будто с истины
срывая полог,
ряды бегущих биотоков
постигал
и звуки «у-у-у»
и «о-о-о» и «а-а-а»
блаженно издавал.

Евгения Худякова. Домик, 2016, масло

«Ведь вы не против послужить науке?»

Тут *врачики* супругу
спящей доложили,
что в летаргию впасть
не прочь и сами б были,
не объясняя, впрочем,
для чего и почему,
при всем при том
настойчиво советуя ему,
с его чрезмерной
силой биополя,
досадно портившей
их опыты невольно,
куда подальше
поскорее удалиться,
тем более что им
пора уединиться.

Посоветовавшись тет-а-тет
в короткий срок,
загадочный тандем
торжественно изрек
о трансцендентности
какой-то заключенье.

— Мы заберем «объект»
под наше наблюденье, —
таков был напугавший
Виктора итог.

Естественно, он ничего
понять не смог
и стал расспрашивать
про план леченья.
Но *врачики*,
прервав его волненья,
заметили, что летаргия —
никакая не болезнь.

— А если не болезнь,
то для чего леченье? —
опешил Виктор,
опасаясь злоключений.

Тут левитирующий,
как в балете, дебютант

отвергнул нонсенс
Викторовой муки:
— Ведь вы не против
послужить науке?!
Любой на вашем месте
был бы рад!
Приедете за ней
дня через три,
ах, нет, пардон —
через четыре.

А Виктор молча ужаснулся:
«Вот те раз — приплыли».

— А как насчет ума и психики,
не будет ли потеря?! —
вновь востроенный его
внутренний тревожный зверь.
И Виктор стал буравить лекарей
прицелом глаз, как в тире, —
чтоб *врачики* гипнозами
ему мозги не задурили.

Но те наперебой
про рост энергии
его жены твердили.

— Помилуйте,
ведь мы не знахари, не секта!
Мы гарантируем здоровье
спящего «объекта».
Вы, видно, насмотрелись
телеколдунов.
А в нашем центре
патологий снов
открылась
маломестная лечебница,
а дефицит, как дождь
в Сахаре, ценится.
Увы. Не правда ли?!
Не так ли?! —
сбегая мимо лифта
лестницей,
вопил очкарик,
как в спектакле.

Глава вторая

ГАЛАКТИЧЕСКИЙ КРОСС

В единой связке

Пока
расслабленное тело Тани,
раскинувшись,
лежало на диване,
душа, вспорхнув
в единой связке с личным «Я»
ее бессмертного самосознания,
с завидной скоростью мелькала
в просторах океанов
галактических,
как крошечный фонарик
фантастический.

Но вот она
к далекой гавани пристала.
И словно с глаз
слетела дымка покрывала.
А некий Голос
что-то задушевно говорил
и незаметно дозу бодрости
прибывшей влил.

Ей было понимать его
совсем нетрудно:
в нем не было
надменности занудной,
которой в школьном классе
физик их грузил.

Подогреваемая
зудом любопытства,
благополучно одолев
межзвездный кросс,
она с налета задала
прямой вопрос,
вот только не подумайте,
что от бесстыдства:
– Хочу узнать, кто ты таков?
Начистоту – без дураков.

Ответ, как видно,
был заранее готов.
Она не первая

из впавших в летаргию.
Бросавшие порой
слова и не такие,
летарки путались
при смене берегов.

– Из этих параллельных
вашей жизни снов
вы набираетесь
от нас особых знаний,
для остальных людей
они пока за гранью.

А мы напоминаем рыбаков,
для ловли рыбок из стихии,
которая у вас зовется
летаргией.
Поскольку я и сам лишь
ученик Глагола –
то преподам тебе азы
начальной школы.
Потом наставник юный
еще что-то говорил,
то, что могла услышать
только Таня.

– Но для чего мы,
будто в печь, летим?
Повсюду пар,
как в жаркой бане,
еще чуть-чуть,
и мы сгорим!

– Какие страхи,
если ты со мной?
А вот вернувшись
в дом земной,
ты вдруг услышишь
шепот мой.
Когда случится это,
не пугайся.
Ну а теперь обратно
отправляйся.

Глава третья

ПРОБУЖДЕНИЕ

Дорога домой

Настало время Таню
из лечебницы забрать.
Муж ей нередко
подменял отца и мать.

– Ах, Таня, как же ты
нас напугала!
Нельзя же так, малышка,
беспробудно спать!

– Витюш, но я ведь
не могла об этом знать.

– А на меня
бессонница напала.
Я чувствовал себя,
как одинокий пес,
и даже иногда
скулил под одеялом.
А это вот тебе
букетик чайных роз.

Он сел за руль
их старой «Волги».
Путь от лечебницы
был долгим.
И Таня к Виктору
придвинулась поближе,
погладила по волосам
и по щеке, сказав:
– А я как будто
прокатилась по Парижу,
но возвратилась
без подарков, налегке.
Потом по-детски, сбоку,
к Виктору прижалась,
однако удивить
признанием не решалась.

А груз видений изнутри
на каждый нерв давил,
и далее молчать у Тани
не хватило сил.

– Витюш, представь:
всех иерархов
ангельского Света
Бог сотворил
непринужденно и легко –
вдохнул и выдохнул
лишь трижды глубоко.
Но в этих вдохах
уместились миллиарды лет.
А вот с людьми
такого почему-то нет.

– Ты пересказываешь
небылицы снов, Танюха? –
воскликнул Виктор,
слушая жену в пол-уха.

– Нет, это существует все
на самом деле,
Господь нас ждет,
а мы сидим на мели.

– Ах, Таня, Таня,
видно, от потери сил
ты путаешь картинки сна
с реальностью.

– Да как же спутаешь,
ведь Голос объяснил!

– Чей голос? Таня,
это сущий бред –
нелепейший
набор банальностей:
ни капли разума,
ни логики в них нет.

– Да нет же, Витечка,
я просто пошутила!
Мне захотелось тебя
чем-то удивить, –
решила Таня
на сей раз схитрить. –

Наверно, были сны,
но я их позабыла.

– И слава богу,
что не удивила.

Глава четвертая

ЗНАКИ ТАЙНОПИСИ

По воле случая оставшись не у дел

Муж дорожил уютом
Таниных забот:
тем, что на ужин будет
яблочный компот,
его любимый,
и вологодский
фирменный пирог
с малиной;
и тем, что поутру
с ним встанет спозаранку
и, с холода достав
черники свежей банку,
вольет протертый витамин
для глаз – в овсянку.

А Таня временно
осталась не у дел:
их офис подожгли,
и он в момент сгорел.
Зато теперь
образовалось время
для подготовки
отдыха в деревне.
Они со школьною
подругой Леной
давно хотели
сблизить непременно
своих необычайно
деловых мужей
для дружбы семьями,
как можно поскорей,
но, не имея вне работы
ни минутки,
их умные мужья
отделялись шуткой.

Меж тем Татьяна,
привыкая к жизни
беззаботной,
как только муж
не без хлопот
завел автомобиль
и сквозь заторы пробок
прорывался на работу,
она, помыв посуду,
наскоро протерла пыль,
мечтая, позабыв о времени,
за чтение засесть
и разом все любимые
новеллы Цвейга перечесть.
Но, обнаружив рядом
незнакомое ей ранее
какое-то весьма
старинное издание,
она тихонько извлекла
довольно ветхий том.
И сразу, зная Виктора,
подумала о том,
что, наделенный
тактом дипломата,
муж не отверг
случайного догмата.
Но дома, не найдя
в названии ни капли толку,
он тут же поспешил убрать
безделицу на полку,
желая после
манускрипт ей показать –
она, мол, любит
древность всякую читать.

Вне поля зрения

Да, Тане нравились
таинственные письма.

Вот тут-то и раздался
ясный шепот у окна:
«Давай, открой ее,
она тебе дана».

И Таня, вздрогнув,
поначалу испугалась.
Но сразу вспомнила,
что вспомнить полагалось.
Ведь это Голос!

Он мне будет помогать,
Он обещал,
и Он никак не может лгать.

Она уселась
с толстым фолиантом в кресло,
с приятной дрожью
предвкушенья интереса.
Тиснение золотом
потерлось на обложке,
но Таня все ж
сложила буквы понемножку:

«Мистические криптограммы»

Ура! Название –
как с Неба телеграмма.
Вот повезло так повезло!
А уж откуда
к ней посланье занесло,
теперь ей абсолютно ясно,
и, значит, чтение не опасно.

Она хотела было
полистать страницы,
а те зашелестели,
словно крылья птицы.
Но кто-то вдруг
остановил их взлет.
И перед Таней замер
чистый разворот,
а по нему помчался
строчек хоровод.
Она внимательно
прочитывала их,
не в силах отвести
от книги взора.
Там были ребусы
с каймой узорной.
Ей не терпелось с ходу

вникнуть в них,
найти ответ в намеках
непростых
и в удивительных
подсказках странных,
с загадочным названием:

Коаны

Коан № 1

Узнай, что значит имя Петр,
добавь к нему
цвет ультрафиолета,
заметь его,
как важную примету.
В отгадке – колдовство
злодейских чар.
Найди того,
кто утерял сей дар,
и тех, кто завладел
потерей этой.
И помоги вернуть ее
лицу, достойному
сверх меры,
и, кроме прочего,
имеющему статус
непомерный.
А дальше был еще
«Постскриптум»,
написанный компактным
шрифтом:

Перепиши на лист
проявленные знаки
и объясни сама себе
их смысл двоякий.

И Таня быстро
все в тетрадь переписала,
с намереньем
головоломки разгадать.
Она любила с детства
ребусы решать,
в игре полезной
преуспев немало,
и в каждой «Пионерке»

новые искала.
Едва начнешь –
и словно с горки понеслось.
И давние забавы
вспомнить вновь пришлось.

Итак, в коане,
что под номером один,
«Петр» – точно означает
в переводе «камень».
Камней полно,
ну, например, рубин,
А здесь какой?
Вопрос скорее к ламе.
Однако тут есть
указание на цвет:
добавь к Петру,
а значит, к камню,
ультрафиолет.
Ой, я же знаю, кто поможет
мне найти ответ!

Метнулась к телефону:
– Детка, Любочка, привет!
У ваших мастеров есть камни,
что подойдут вот к этой гамме:
с сиреневых тонов
до ультрафиолета –
особого магического цвета.

– И есть, и в моде эти камни.
А самый модный – чароит,
он после Дитмара
вторично был открыт
у берегов притока Лены – Чара.
Я тут о нем как раз
статейку прочитала.
Когда-то принятый

Московский BAZAR № 3 (21) 2016 г.

за сланцы минерал
теперь отделкой
ювелирной засверкал,
заняв собой геологов
и резчиков немало.
А знаешь, мама,
чем якутский чароит
однажды стал особо знаменит?

— Из фотоснимков, Люба,
что когда-то я листала,
я знаю в тех краях
лишь благородного марала,
но ничего о свойствах
чуда каменного дара.

— Из чароита сделана
модель земного шара.
Такой нехилый приз
для кинофестивалей
в других столицах
сыщется едва ли³

— Спасибо, дочка,
это камушек что надо!

— Мам, ты о чем?

— Да тут одна шарада.
Я битый час ее туда-сюда верчу
и, хоть убейся, разгадать хочу.

— Зачем?

— Ах, да я после объясню!

И Таня снова стала
версии крутить,
не зная, где и как
ей сведения добыть.
Какому важному лицу
так нужен чароит?

Вопрос о нем пока что
наглухо закрыт.

Но тут явились
дополнительные строчки,
и в них загадок,
что сельдей соленых в бочке.

Коан № 2

Когда победный рус
войдет в союз с германцем,
затевя опыт с иностранцем,
откроется значение этих уз.

Ура! Тут можно
даже не трудиться,
как будто козырной
открылся туз.
Загадки этой
я как раз и не боюсь.
Здесь явно речь
про близкие мне лица.
Виктория — победа,
и мой Виктор —
он и есть победный рус.
А вот германец —
я ничуть не удивлюсь,
что это Ленкин Герман.
Да, да, ее супруг, всегда
во всем примерный.
Он по рождению немец,
много старше нас.
Дорос мужик до академика.
Вот класс!

Теперь подруге
надо срочно позвонить.
И заодно про дачную
поездку вновь напомнить,
про прелесть уголков,
которых нет укромней,
и там, что накопилось,
вместе обсудить.

— Привет, подруга,

³ И открытие минерала чароит, и
Международный кинофестиваль в Москве
состоялись в 1977 году.

Московский BAZAR № 3 (21) 2016 г.

как твои дела?
Подозреваю,
ты уже и в йоге
всех обогнала?

— Дела идут что надо —
это точно,
хвост морковкой!

— Ленок, скажи, твой муж
в командировке?

— Он прилетел из Африки
еще вчера,
но там была
такая дикая жара!
Ему придется
хоть немного оклематься,
а уж потом
к вам в гости собираться.

Едва присела
возле книги Таня,
как вдруг возникло
новое задание:

Коан № 3

Подсказка
в фиолетовом фазане,
найди его перо.
Перо откроет Мага.

Перечитала переписанное
раньше на бумагу.
Однако же
из этих трех позиций
ей только в двух
едва проникнуть
в тайну удалось.

Но тут включилась,
видно, интуиция,
и оттого звонить подруге
вновь пришлось:

— Ленок, быть может,
мое любопытство
неприлично,
но все ж!
Твой муж привез тебе
подарок необычный?

— Ты знаешь, в смысле быта
он большой чудак.
Сама суди.
Привез перо фазана. Это как?
А я ему: зачем?
А он: вставь в шляпку, говорит, —
такое ведь придумать
может только эрудит!

— Лен, а перо красивое?
Какого цвета?

— Сейчас взгляну. Ах, вот оно!
В нем — переливы фиолета.

Тут Таня сразу
закруглила разговор.

«Вот это да! Ведь здесь
на Германа прямой упор.
Так что выходит:
ларчик просто открывался.
Ведь Герман нам однажды
сам признался,
что, мол, наука истинная
с магиею схожа,
и потому ученый
может магом зваться тоже».

Глава пятая

ПРО ДЕЛА ЗАПРЕДЕЛЬНЫЕ

И вновь бежали строчки

Наутро Таня,
только мужа проводила,
как тут же
книгу тайную открыла.
И вновь бежали строчки,
и она читала,
а после все опять
бесследно исчезало.
Но поразило-то ее
не строчек бегство,
а слишком необычное
значение текстов.
Да тут бы
и любая чтица испугалась.
Но не читать
никак не получалось.
Ее как будто
пригвоздили к месту,
спасибо, не на старом пне,
а в мягком кресле.

А было там написано вот что:

Обман, предательство, измена

Бог постоянно пребывал
в глубокомыслии,
поскольку творчеством
являлось Слово Бога.
Но даже Вседержителю
бывало одиноко.
И Бог создать
свое подобие замыслил.

Люци был создан Богом
из **Любви**,
а также **Целомудрия**
и **Истины**.
Вернее, из заглавных –
первых букв
столь замечательных

явлений
Он изваял
достойное творенье.
Притом легко,
без всяческих потуг,
в слиянии с Зарей
рожден был сын и друг.

Денница, как и мать Заря,
был дивно мил.
И Бог его всем сердцем
полюбил.
Но и любимец Бога
даром небо не коптил.
И весь надлунный мир
его пытливый ум вместил.

Пока кипела
Бога вечная работа,
Он вовлекал
Люци в свои заботы.

Чароит

У всех бессмертных
есть всевидящее око,
но только у Люци во лбу горит
единственный, *неповторимый*
в целом Свете, камень чароит:
в нем Божьей правды
мудрый луч сокрыт
под сердцевиною
белой лилии
как знак побед
и чар всесила.

Люци тем временем
все делал,
как придумал Бог.
Но временами
уж гордился без отчета
особой важностью
порученной работы
и в свою пользу
подводил любой итог,
при этом чувствуя

энергии приток.
И к самому себе –
пленительный восторг.

Но Бог не замечал
сыновних настроений
и, глядя на Люци,
был полон умиления,
как всякий нежно
любящий отец.
Но слишком занят
был Творец,
решая эпохальные
проблемы,
а иногда и спорные
дилеммы.
Хотя с Люци
Он не был строг,
но разум сына
не внушал Ему тревог.

А вот с людьми

его работа шла иначе.
Судить Его никто иной
не предназначен,
и Бог себя корил,
что «видно, с ними
что-то напортичил...»

А ведь бывало,
в творческом порыве,
Он создавал миры
в единый миг
и, как казалось,
вечного блаженства
в том достиг.
Но позже,
не найдя в камнях
разумного ни капли,
не собиравшись наступать
на те же грабли.
Однако из субстанции
духовной и живой
лишь только ангелы
небесные являлись.
А люди из материи
иной рождались,
и, даже с божьей
искрой огневой,
пороком прорастал
несметный род людской.
И Бог смотрел
на человечество с тоской.

Но, вспомнив,
как унылы были глыбы
до появления человека на Земле
и как метались в океанской мгле
друг друга поедающие рыбы,
Бог важный смысл
в самом развитии увидел,
как самый дальновидный
в целом мире лидер.
И, показав пример
завидного терпенья,
Господь из века в век
приумножал уменя.
Ему хотелось перспективы
с сыном обсудить

и на досуге с ним наедине
поговорить.

– Люци, – вздохнув,
сказал однажды Бог, –
сколь бы печально
это ни звучало –
атланты утерjali
светлое начало.
В них завелись
бесовские флюиды,
сверля их изнутри,
как стаи паразитов.
Они привязаны душой
к стезе убогой
и неизменно гибнут
без острастки строгой,
совсем не занимаясь домом.

– Что ж, первый блин,
как и обычно, комом, –
печально подтвердил
задумчивый Люци.
И от Божественных
признаний невеселых
в нем зарождался
дух крамолы,
впервые посетив Люци.

– Придется проучить
мне нечестивцев, –
меж тем продолжил Бог. –
Атлантов – утоплю,
Евразию – создам.
В горах, что на Земле
поднимутся с Востока,
обитель Светлую
для Духов обустрою.
Пусть помогают
лучшим из людей,
вселяя в них желанье
стать героем.

Подумалось Деннице уж тогда:
«В одной ли Атлантиде тут беда?
Господь не все так делает, как надо»,
и он копил мятежную досаду,
сплавляя в потаенный монолог.

«Ведь я не так, как Бог, загружен
и без помех творить бы лучше мог,
а это общей пользе нужно».

И обуяла Ангела
безмерная гордыня.
Он полетел,
как повелось отныне,
обдумать тайный план
реформ по Небесам
и захотел взглянуть
на Атлантиду сам.

Меж тем
иные ангельские силы
проникли в тайну тайн
сквозь мор могилы,
изъяв из прахов
обветшалую корысть.
И, затаившись в уголку,
подобно вору,
они вели между собою
разговоры,
что без Создателя
могли бы обойтись.

Один из черных духов,
некий Ферт,
немедленно приспел,
разбуженный
мятежными речами,
из вечной черноты,
из недр Тмутаракани,
с окраинных миров,
забытых Черных дыр,
глотающих алчно все,
что в них попало,
чужих творений
накопив немало.

Имея высший титул
среди магов Преисподней,
Ферт принят был
среди мятежников
в доме Господнем
как чернокнижник эксперт.

Теперь он

незаметно следовал
за Ангелом Люци.
Все знали про Люци,
как мыслит он разумно,
особую привязанность
у Бога тем снискав.
И надо бы его
завлечь в свой лагерь,
нетривиальный
способ отыскав.

Люци, имея цель
и думая о ней,
летел вперед,
не замечая слежки.

А Ферт – за ним,
не отставая ни на шаг,
крутил в уме
витки магических атак.

Тут взорам их
открылась Атлантида.
И в этот самый страшный миг
пред гибелью дрожащего народа
цветущий прежде материк
под крики смертных
уходил под воду.
Меж тем
летающая нечисть,
водным валом смыта,
не видя прежней
Атлантиды сытной,
свирепой тучей
в воздух поднялась
и на Люци
с глумливым воем
понеслась.

Но жег огнем
небесный Сын Зари
мятущихся над ним злодеев,
отметив, как гудящий рой редет,
и многие пустились наутек.
Из пекла он рванул на восток.
И вот уже под ним леса Сибири,
о них мы с вами раньше говорили.

Но скалы от погони
беглеца не скрыли.
И только, запоздало
ухнув, дрогнул лес,
когда огромный монстр,
избегнув наказания
и обрекая гордеца
на долгие страдания,
хвостом ударил в око
Ангела Небес
и выбил чароит жестоко.

К несчастью для Люци,
с потерей чароита,
для вероломных козней
Ангел стал открытым.

И в это время Ферт,
тот самый Черный дух,
и он же – Черный Ворон,
всех Черных Воронов
исконный предводитель
и тонких магий исполнитель,
что следом крался за Люци,
имея все, что надо, наготове,
сорвал перо свое с крыла
и каплю нечестивой крови,
что, словно маковка, мала,
проворно влил в пустое донце
помятой белой лилии Люци...

В ту пору, к слову, наши праотцы
бежали в страхе от затмения солнца.

Итак,
бесовской силой обладая
непомерной
из-за духовной черной сути
имени его,
Ферт букву **эФ**,
а также **Е** и **эР удвоил**
в зеркальном блеске
своих угольных зрачков
и в каждую
зло дьявольское влил,
добытое из скважин
ин**фер**нальных.

И этот черный,
будто снятый под копирку,
фер,
в мгновение ока,
словно бесов хвост,
к Люци
Ферт дегтем прилепил
и похвалил себя:
«По-моему неплохо?!»

И тут же Ангелу
клейменому польстил
удачливый проныра,
бес-пройдоха:
– С рождением, **Люцифер**,
злодея темный гений!
Любовь и Истина
остались при тебе
и Цело-Мудрие,
и все послужит
упоительным затеям,
где правда, а где ложь,
уже никто не разберет.
О, сколько светлых душ
в капкан твой попадет!
С таким-то именем
кто зло уразумееет?»

* * *

Бог ужаснулся
жутким переменам в сыне.
Однако Вседержителю
несвойственно уныние.

Что делать? Бог низверг
отступника с Небес,
увидев, как его,
укрыв крылом, уносит бес.
Зачем перед собой лукавить –
Дух сына сразу не исправить.
Бог знал, придется долго ждать
желанных перемен
для осознания
самим Люци его измен.
Да разве есть резон
Создателю спешить,
когда в запасе у Него
не век, не два, а Вечность?

Однако, не приемля
всякую беспечность,
Бог Духам наказал
среди землян искать
особо выдающихся,
а значит, самых лучших.
И им догадкой помогать,
нести удачу, шанс давать
и посылать счастливый случай.
И пусть *водители народов –*
Демииурги,
готовят с пользой для людей,
неважно в Копенгагене
иль, скажем, в Петербурге,
небесных просветителей –
Учителей,
из душ землян, давно умерших,
*а ныне самых мудрых среди них*⁴
обученных в просторах неземных.

На этом исчерпались письма.

А Таня так и просидела дотемна,
не в силах отойти от потрясения.
В одном у чтицы не было сомненья,
что эта информация не ей дана.
Ну в самом деле, кто она такая?
Прочла, а голова, как шар, пустая.
Зачем ей это, польза-то какая?!

Коаны, вот что
переслали для нее.
Она нашла им
объяснение свое.
У Тани больше
не было сомнений,
что Герман с Виктором –
посланцы Провиденья.

Тут звук страниц опять
зашелестел и стих.
И вслед еще один «Коан»
открылся в них.

Коан № 4

Необходимо сбросить шелуху
с людских легенд о Люцифере.
Есть только факт,
и есть последствия его.
А о Деннице
ровным счетом – ничего.

Хотя на этот раз «Коан»
был непонятен Тане,
она решила:
адресаты разберутся сами.

Евгения Худякова. Прибой, 2016, акрил

⁴ См.: Даниил Андреев. Роза мира. М., Прометей, 1991.

Глава шестая

ФАТАЛЬНЫЙ РОК?

Авария

Муж Тани, Виктор,
завершить дела спешил,
он улета́л на пару месяцев
в Европу.
Со службы, дав отгульную,
умчал галопом
и сразу за город рванул
что было сил.
Он ехал, дачной стройкой
озабочен:
проверить что и как
и заплатить рабочим,
не слишком полагаясь
на их рвенье впрочем.

В последние денечки
выдалась теплынь,
засеребрилась верба,
был канун апрельской Пасхи.
Как вдруг в дороге
из арктических пустынь
прорвался шквальный ветер,
нагоняя холод адский.

Домой муж ехал
по заледенелой трассе,
к тому же начало
стремительно темнеть.
И вид дороги становился
все опасней,
но Виктор был готов
каприз весны преодолеть.
Он обладал натурою
бесстрашной

и опытом водителя
со стажем.

Но в этот раз поделаться
ничего не смог,
похоже, в обстоятельства
вмешался Рок.
Колеса «Волги» юзом
развернуло –
гудящего потока
поперек
и под конец
в полсилы крутануло,
чтоб подвести уже
заведомый итог.
Неуправляемую «Волгу»
вынесло на встречу.
Таким нелепым
выдался тот вечер.

Был страшный скрежет
и тупой удар по голове;
и россыпь битых стекол
на раздавленной траве.

Он видел, как под ним
машины промелькнули
и в голубеющей дали,
бледнея, потонули.
А он летел в витках
идущей вверх спирали
со скоростью
стремительней,
чем в ралли.

Забывший свое имя богомалец

Тут постижение
иных вещей
для Виктора открылось,
а направление пути
меж тем к востоку уклонилось,
где его «Я» за целью понеслось
и вскоре без помех слилось
с кочующим скитальцем.

Усталый богомалец
обошел весь свет,
не помня времени
и даже своих лет,
а уж дорог исхоженных
не счесть на пальцах.
В каких местах
он только не бывал
и возвратиться
в отчий край мечтал.

В заливе теплых вод
у берегов китайских,
он сел в корабль,
плывущий
к северным морям,
поближе к родине –
в горах алтайских.

Но не случилось
закрепиться якорям.
И капитан был опытным,
и судно крепким,
но буря разнесла его
в пути на щепки.

Скитальца бросило
девятым валом на скалу
и разом погрузило
в бессознательную мглу.

Древний идол

А в той скале китайцы
высекли свою богиню,
и этот древний идол
называли Гуань-инью.
С младенцем на руках
она над водами сидела
и власть незримую
над целой расой имела.
Она служила
символом бессмертия,
а в каждой новой жизни –
мерой долголетия.
По принципу матрешки
в ней – такая же была
и, уменьшаясь много раз
под крышкой чрева,
для рода древнего
праматерью слыла.

И Гуань-инь,
как милосерднейшая дева,
из тела, не успевшего
постигнуть мук,
перехватила душу,
чтоб летучий Дух
ее для новой жизни
воплотил умело.

Зверолов Василий

Из окон дома
Тимофея Зинина
была видна далекая гора
с белеющей вершиной,
будто в инее.
Пока ее увидеть
людям выдалась пора,
о ней как таковой
и не подозревали
и оттого священной
гору называли.

В семье у Зининых,
по линии мужской,
хранили навыки
удачливой охоты.
В таежных селах –
так в семье любой
для жизни не было
важней заботы.

И сын Василий,
переняв бразды
пушного промысла,
стал первоклассным

звероловом,
а старого отца
из добрых помыслов
решил занять
рыбацким ловом –
и то в охотку,
без нужды суровой.

Василий сызмальства
любил отца и мать,
стараясь даже словом
их не обижать.

С охоты сын всегда
спешил домой,
и чтоб родители
вдвоем наперебой
ему вопросы
за вопросом задавали
и, как теперь, слышав
его голос за стеной,
к нему навстречу
в сенцы выбегали.

Таежные подарки

– А ну, хвались, Василь,
что раздобыли.

– Да отчего, сынок,
так долго вы ходили?
Хватило ли припасов?
Расскажи!

– Степан-то жив?
И Федор тоже жив?

– Да живы,
кто же их осилит, бугаев?
Шатун не смог,
так что им мелкое зверье.

– Охотник не охотник
без подмоги,
бывает, не спасут
ни боги и ни ноги.
Меня, признаться,
выручал не раз
лишь личный опыт,
только он и спас.

– От лиха да беды,
сынок, не зарекайся,
а если повезло,
не зазнавайся, –
добавила, погладив
руку сына, мать
и тут же замолчала,

без привычки докучать.

– Родители, я помню
все наказания ваши,
но мой желудок требует
еды домашней.
Мам, дай перекусить,
а то оголодали.
Я после расскажу,
куда мы запропали.

Поев, принес суму
с охотничьей добычей
и начал доставать трофеи,
как обычно:
– Поймал отменных
черных соболей, две штуки,
добыл лисицу рыжую,
однако не без муки,
пяток куниц и
пару белок симпатичных.
На этот раз
везло мне с дичью,
хотя и у ребят
охота шла отлично.

А ближе к ночи
мглой накрыло лес,
того гляди, затеет игры бес.
Мы торопились
на заимку повернуть,
для этого пришлось
переменить обычный путь,
но Федор обещался
вывести на горностая.
И мы тотчас пошли за ним,
то тут, то там петляя,
на зависть всем
порфирного зверька
поймать мечтая.

Степан нас с Федькой обогнал –
на ход он скорый.
Вдруг слышим крик его,
негромкий, но упорный.
Подумали, что Степа
угодил в нору.

Потом залезли внутрь,
сыскав к нему дыру.
Стоим и собственным
глазам не верим,
увидев вовсе не
теплушку зверя,
а сруб могильный,
сбитый на века.
Из бревен лиственниц
любая горенка крепка.
Внутри опрятно,
возле входа – пара оберегов.
Вы знаете, могильники
у нас все вдоль по рекам,
близ древних
поселений человека.
А этот сруб добротными
вещицами заполнен
и, видно, посреди тайги
недавно захоронен.
Не обнаружив
никаких следов героя,
мы заподозрили
хозяина в разбое.
А так как вход в дыру
так глупо не прикрыт,
то мы подумали,
что неизвестный наш герой,
скорей всего, случайно
был убит самой тайгой.

Потом, набрав
по малу всякого добра,
хватались, что нас ждут
и что домой пора.
Оставили по ходу
кучу всяких меток,
что точно приведут
к находкам редким.

Я выбрал веер из сандала
с писаной красавицей
и перстень с камушком,
чуть тронь, переливается.
А вот ковер, я знаю,
вам понравится.

Ковер все вместе
разложили на полу.

– Смотри-ка! –
замахала мать руками. –
Под облаками, разметая мглу,
летят по небу кони над горами
и раздвигают гривами скалу.
Но, Тема, а зачем
они по небу-то летали?

– Так, сказка. А вот золото
тут чужаки всегда таскали.
А наши предки будто б
им навстречу грифов
выпускали.
Тут на ковре они не хуже
тигров уссурийских
и даже боевых слонов
индийских.

– Вась, а для мужиков-то
что-то есть?

– А как же, батя, для тебя
нашел я лук и стрелы,
смотри, точеные
не абы как – умело.
Степан поклялся,
будто правду говорит,
что наконечники у стрел
прочнее стали,
из камня сделаны,

он говорит, нефрит,
им древние, представь,
железо пробивали.

А это, глянь,
какая пакостная маска:
седая борода
и пороссячи глазки,
а на висках густые завитушки
и пара черных рожек на макушке,
а щеки, как
Митрохины ватрушки.

– Ты, Васенька,
давай-ка спрячь игрушку,
ведь это же
ненашенский какой-то бес.

– Мать верно говорит.
Ведь для таких чудес
приехал рыться
в подземельях археолог.
К его раскопкам
путь отсель не так и долог.
Так ты свежи
ученому копателю трофей,
глядишь, и про тебя
напишет в книжке,
фамилию прославишь, –
размечтался Тимофей,
вдруг оживившись,
как мальчишка.

Евгения Худякова. Колючки, 2016 г, масло

Поиски праведного света

– Ну, это, батя,
обязательно, но позже.
Теперь совсем другое
нас тревожит.
Ведь в срубе мы нашли
бумагу вроде карты,
в ней есть подробный план
движения к горе,
еще в ней говорится
о каких-то мантрах,
но план и сам до Белой
доведеет вполне.

Вы вспомните,
как дед Архип нам говорил
про легендарный край –
Христово Беловодье.
И мы друг другу
покаялись сегодня
искать рай праведников,
сколь нам хватит сил.

– Сынок, не надо, не ходите,
часом, пропадете!
Да разве праведников
меж людьми найдете?

– Так может, мам, они
и вовсе-то не люди!
Дед говорил, у них
и сани без коней,
а все ж летали
наших порезвей.
А бубенцы любому
тронут душу.
Дед так мечтал
их перезвон послушать.

– Но, Вася, мать права.
Пойми, что сказки это,
ей-богу, не найти вам
праведного Света!

– Так ведь не зря же
мы нашли бумагу,
прикинь, одни

из всей охотничьей ватаги!
Вот Федор слышал,
кто умоется из горных вод,
тому и в жизни сразу повезет.

– Известно его счастье –
Феде нужен клад.
А в этом деле
черт рогатый – друг и брат!

Упрямцам так хотелось
своего добиться,
что сны про гору
стали сниться.
И парни, толком
не передохнув
и даже позабыв
в церквушке помолиться,
отрезали, устав
со всеми биться:
«Нет, слушать боле
никого не будем!»,
как ни пытались
удержать их люди.

Ну а сельчане,
в путь их проводив,
по вечерам
сходились в коллектив.
И в разговорах
долго вспоминали,
как люди раньше
землю праведных искали:
одни – на снежных тропах
горного Алтая,
другие – на вершинах
Гималаев,
но, приближаясь к цели,
пропадали,
попав в неведомую
никому беду.
А после про
своих ребят гадали:
придут домой
иль тоже пропадут?

Деревенский сход

Когда мечтатели
вернулись все ж обратно,
то сразу, вслед
за восточкой отрадной,
вся братья деревенская,
имеющая уши,
сбежалась, чтоб
из первых уст послушать:
дошли ли парни до горы,
и встретил ли их кто,
и вообще, мол, где,
и как, и что?

Тут старикан один,
премудрый очень, сказал:
— Чтоб зря друг друга
не морочить,
всем молча слушать,
глупым словом не сбивать,
ну а парням без спешки,
с толком, излагать.
Я думаю, пускай начнет
покуда Васька Зинин,
его не проведешь,
пожалуй, на мякине.

Василий выбрал место
посередке круга
и начал говорить
спокойно, без натуги:
— Когда без происшествий
мы дошли до Белой,
вдали лишь стайка птиц
бесшумно пролетела.
Мы начали искать,
где есть к вершине тропы.
Как вдруг незнамо кто,
но жутко допотопный,
явившись из дыры подкопа,
швырнул нас силой внутрь.
А там у них внизу
какая-то тюрьма —
могильный мрак и жуть, —

оттуда слышались
то стоны, то мольба,
а сверху и вокруг —
сплошная тьма.

Других потемки
заведут в беду,
а мне особо света
и не очень-то и надо.
У нас от самых первых
прадедов в роду
передается эта
вроде как награда.
И я скорей повел друзей
подальше от стенаний.
И так мы долго шли
без пререканий,
по шагу двигаясь
на тусклый свет луча,
и он привел в темницу,
где горела вечно
цельная свеча.

Там в середине залы
восседала каменная баба
с таким же каменным
младенцем на руках.
Такую глыбу людям
не поднять никак.
Видать, ее тащили
сами черти по этапу.
А у ее младенца
там, где пуп, была дыра,
и фиолетовая струйка света
шла с нутра.

И рядом возвышалась
вроде птичьей клетка,
сплетенная из тонкой
серебристой сетки.
А в ней видна была
прикованная цепью дева, —
ну точно сказочная королева! —

вся исстрадавшаяся,
но еще живая,
зачем-то пригнанная
из родного края.
Измучена, а все ж
неописуемой красоты,
как Лебедь, осиянная,
как первоцвет весны!

Но дальше появились
жопаны́, про них пускай
Степан продолжит.
Про них он рассказать
покруче сможет.

Никто не возражал
послушать ходока другого.
А Степка никогда
не лез в карман за словом.

— Я страсти этакой
от роду не видал —
таких вот жопанов, —
ну а каких, Степан
руками показал, —
как лошаков, здоровых.
Услышав поначалу
чисто конский бег,
мы быстро затаились
в каменный отсек.

А эти твари жрать
и день и ночь готовы
мышей летучих,
в основном нетопырей,
они других,
известно, покрупней.
И там для тушек про запас,
как для лещей,
у них есть камера громадная
с подсушкой.
Любители набить кишки
на полную катушку
бегут туда вперегонки,
чтоб первым, значит,
схватить тушку.
Мы догадались, что главней

у них заботы нет,
а стало быть, и мы
сгодимся на обед.
Нам ни кабан не страшен,
ни медведь,
но этих дылд
втроем не одолеть.
И мы, пока не стих
кротов гигантских топот,
нашли ведущие
на волю два подкопа,
когда их страж умчался
тоже тушки лопать.

Тут старикан
дал право задавать
троим охотникам
назревшие вопросы
и вынул скрученную
дома папироску,
чтоб вроде самому
без дела не стоять.

— А что ж молчит
кладоискатель Федя?
Быть может, ты, Федюнь,
еще чего заметил? —
вздыхнула вдовушка,
имея парня на примете.

— Я думаю, нас бес туда
ненашенский завлек.
Вы маску видели?
Вот он-то точно мог!

Тут вдруг
привстала с места
старая Митроха.
На всякий случай
пару раз поохав,
без остановок
зарядила речь,
что, при ее годах,
совсем неплохо:
— Про эту бабу каменную
с детства я слыхала,
как по земле ее туда-сюда

Московский BAZAR № 3 (21) 2016 г.

сколь раз мотало:
то наши будто волокни
ее от самого Китая,
то китайцы вновь
к себе тащили из Алтая.
А вот теперь к чему-то
ее скрыли под горой,
последний зуб отдам за то,
что силой злой!

И, чтобы укротить
тяжелых мыслей суматоху,
крестила всех подряд,
начав с себя, Митроха.

Но тут опять поднялся
мудрый старикан,
сказав, что вовсе
ни к чему кивать на бесов.

А ради общих,
всемирных интересов
направить нарушителей
покоя на курган,
где люд ученый ищет
всяческую древность,
а стало быть, в том есть
разумная потребность.
Все дружно поддержали деда,
на том и кончилась беседа.

Событие, как ни крути,
внесло разброд в умы.
Василий же ходил,
как одурманенный,
как бы беременный
растущим знанием.
Дождемся новостей и мы.

Продолжение следует.

Евгения Худякова. Нептун, 2016, гуашь

ПОЭЗИЯ

Ольга Уваркина

(МОССАЛИТ, Москва)

В Сокольниках

А ты порезал сердце мне осокой.
Так дурочке доверчивой и надо.
Наверно, и безумно, и жестоко
Влюбиться в эту пору листопада.

Ведь знала, знала с самого начала,
Таких, как я, полно в Москве девчонок.
Теперь бы старой девой не ворчала:
«Любовь, как лист осенний, обречённа...»

Идем, смеясь, по просекам Оленьим,
Вприпрыжку или шаг чеканя четче.
Меня шутливо – добровольный пленник –
Целуешь, как сестренку, в обе щеки.

Не взяли зонт, и с неба льет водица
За шиворот: и вдоль, и поперечно.
А мне сейчас бы, сокол, заблудиться
В родных моих Сокольниках навечно.

Но скрыт больной души заветный ларчик,
А в нем любовь, стокрыла и бездонна.
Она котенком съезжившимся плачет –
Беззвучно так, – промокшим и
бездомным.

Под вечер на веранде будут танцы,
Там молодежь тусуется гурьбою.
А мы вот-вот должны опять расстаться,
Теперь надолго... Навсегда... с тобою...

Леди Осень

Вся из золота и сплина,
А в глазах такая стынь,
Подметала кринолином
Осень парки и мосты.

Шаг ускорив на Арбате
И немного погода,
На ходу меняла платье.
Все из ветра и дождя.

Погляжу, идет босая
Дама, господи, прости...
Осень листья рассыпает
И сжимает их в горсти.

То ль смеется, то ли плачет,
Город чудом одарив,
Нимфа нежная – Боккаччо
И Флобера – Бовари.

В этой манкости от феи,
Полной чар, спасенья нет.
Их разрушить лишь посмеет
Маг-волшебник – первый снег...

Голубка

До половины сентября
Наивно вымолить погоду.
И даже птицы не парят
Под серой клеткой небосвода.

Весь город сиротлив и снул,
Не величав, не эпатажен.
Он тоже, кажется, уснул
Всей армией многоэтажек.

Не греет солнце, не горит.
Выходит, лето бабье – боком.
Снуют бродяги-сизари,
Ища пристанище у окон.

Скажу «спасибо» за визит,
Но в мире трудно быть счастливым.
Голубка лапками скользит
По мокрому, косому сливу,

Опять срываясь под уклон,
Так что покоя не достичь ей,
И бьет крылами о стекло
Со всей отчаянностью птичьей.

Еще тепло, ласкаясь, стелется.
Его последний час не выстрадан,
И листопадная метелица
Не начинала танцы быстрые.

Еще рассвет кармином высвечен,
Но солнце очень переменчиво,
И красный лист, один из тысячи,
Дрожит и прячется, застенчивый.

А бабье лето смотрит в лужицы
Веселой и нарядной барыней,
И голова у бабы кружится
От красоты и неги бархатной.

Осенняя мелодия

Тоской осеннего сюжета
Оконный светится экран.
Сквозняк выводит стоны стретто,
Весь – в подражании ветрам.

Игрою скрипки сатанинской
По щелям лоджий и пазам
Звучит в ночи истошный дискант,
Пытаясь что-то рассказать.

О чем? Опять о переменах
Погоды, быта и жилья,
И что юдоль земная бренна
В самой основе бытия?..

Но тошно слушать постулаты,
Внимая, хмурясь и дрожа.
Как не купить покой за злато,
Так от себя – не убежать.

Беду и радость принимая,
Рождение нового и тлен,
Писать и петь, пока живая,
Блага не требуя взамен.

Наступят утренники вскоре,
Морозны, белы и свежи.
И ни к чему с природой спорить.
Дал Бог... А значит, надо жить.

Шальным подарком осени-офени
И вздохом угасающего лета
Лист запоздалой бабочкой последней
Неслышно исполняет пирюэты.

Качаясь и паря над кроной клена,
Летит на свет, не смея приземлиться.
Он упадет, печально удивленный,
Под Ваши ноги раненою птицей.

Лето бабье

Для меня это время загадкою.
С ним, как долею женской, мирюсь.
Лето бабье не приторно-сладкое,
А слегка горьковато на вкус,

Отрезвленно, расслабленно-сонное,
Вне иллюзий июльской жары,
С теплым бархатом дней межсезония,
Что пока без осенней хандры.

Дождь слепой, разбиваясь, покапает
Мелким бисером... Ветер смахнет
Эту влагу игривую лапою
И продолжит неспешный полет.

Есть во всем недосказанность прелести,
О которой скажу, не солгав,
С ароматами яблок и прелости
Разнотравья на дальних лугах.

Там недавно смеялась и бегала,
Вслед гудели под солнцем шмели.
(Не менять же свободы на перголу,
Где садовые розы цвели).

Грёзы детства орешком расколотым
Вызывают улыбку и грусть.
Сединой паутинки по золоту,
И есенинский стих наизусть...

За окном...

За окном то ясно, то печально.
Ветер листья, как дары, разносит.
Лето бабье, бросив взгляд прощальный,
Милости у осени не просит.

Что природе пред собой лукавить?
Благодатен каждый день, что прожит.
Веру свет Надежды не оставит
И земной Любовью приумножит.

Осенние сюжеты

Давно отыгранный сюжет:
Пролив на синь небес белила,
Забрав в листву тепло и свет,
Ковром восточным застелила,
Как будто дорогой паркет,
Аллеи, тропки, бездорожье
И луж обманчивый провал,
Прикрыв сырой земли убожье,
Что дождь, тоскуя, рисовал.
И ты, ему внимая, тоже –
Играла с ветром... Капель звук
Перебирала словно четки,
Вся превращаясь в тонкий слух.
Грустила, как грустят девчонки,
На день оставшись без подруг.

Кружась, упало бабье лето
В объятья друга-листопада...
Все четче осени приметы.
Ты слышишь реквием заката?..

С багряно-кобальтовой выси
В надрывно падающем звуке
Песнь лета о несчастной выти,
Печальной, роковой разлуке...

...Рассыпались рубиновым дождем –
В горсть не собрать, к земле склонившись
низко.

Во времени, и грешном, и святом,
Я растеряла дорогих и близких.

Кровиночки из жизни «во вчера»,
Была ль для вас? Имею ль право значить?
Осенняя печальная пора
Рябиновыми ягодами плачет...

Я и Осень

Наверно, тут бессильны доктора:
Лечить души залатанную просинь.
Сиротство как диагноз и пора
В пространстве света слились – Я и Осень...

Когда листы – как золото потерь,
А сам октябрь – дулом в неизбежность,
Когда внутри, как одинокий зверь,
Еще скулит неизжитая нежность,

И зелень трав еще сквозит слегка,
Наивно позабыв сезон и сроки,
Неумолима времени рука,
Как приговор, безжалостно-жестокий...

Нас жалостью обеих не пронять,
Как сжечь и уничтожить лист последний.
И вороном кружится ветер-тать,
Гоняя по аллее «пальчик» медный.

Пора... Пора немислимых утрат,
Но, видимо, «мы в этом мире гости».
До слепоты пронзительно горят
Рябины гибкой выпевшие гроздьа.

И нет мне толку плакаться тебе,
Вгоняя боль иголками – до пота.
Ковром багровым по моей судьбе
Легла ты, осень, страшным поворотом.

Еще не смею... Не переступлю...
Еще рассудком каверзным владею,
Но стянут в очень жесткую петлю
Мой белый шарф на слишком тонкой шее.

Осенний дождь

С пристрастием тайным ревизора:
Найти, разведать, пошерстить,
Нежданно рухнул дождь на город
Под утро. Рано. До шести.

Играл с листвою ветер шалый,
Светились окна кое-где.
Ничто дождя не предвещало
В обычной суетности дел.

Но в сроки солнышко не встало,
И начался переполох.
Промокли улицы, кварталы,
Ослеп весь город и оглох.

Шел ливень нагло и беспутно,
По крышам струями дробя,
Столетия – мелкий, серый, нудный,
Он нынче превзошел себя.

Машин не видно, и клаксонов
Не слышны звуки... Шум воды...
Зонты, зонты... в столице сонной,
Не оценившей факт беды.

Одни дома по стойке смирно
Небесную глотали хлябь...
Быть может, и потоп Всемирный
Так начинал ошеломлять?

Готовь байдарки и каноэ
И ставь на якоря авто...
Лупил осенний гость стеною,
Как будто небо – решето,

Где грозный Водолей-возница,
Собрав всю Ангельскую рать,
Не возжелал угомониться,
А – замочить и покарать...

Сон дырявого зонта

Внезапно наступил сезон:
Ненастье торкнулось без «здрасьте».
В углу томился Старый Зонт,
Сухой... Весь в предвкушении счастья.

Как пионер, он был готов
Весь мир закрыть от непогоды,
Промокнуть насмерть, а не то...
Зонт верил, что для службы годен.

Но шли недели. Зонт лежал
В унынии от самокопаний...
И ужаснулся, весь дрожа:
Прогрызли мыши дырку в ткани.

Теперь куда, зачем, на что?..
Согнулись спицы от кручины.
Полиэстеровый цветок,
Погибший от возни мышинной!

Скрипя каркасом, Зонт уснул.
Но нет мечтам во сне границы!
Приснилось: он могуч, как Фул,
Парит в пространстве Синей птицей.

И закрывает все и вся,
Раскинув крылья-парашюты,
От ветра, хмари и дождя.
Он счастлив каждой минутой!

В движеньи искренность – не понт,
И верность – как предназначенье...

Там, где-то мыши сгрызли зонт?..
Эх! В пасть бы им кило печенья!

Моя любовь нежна и незакатна

Ушло тепло... Белёсы в поле росы...
Восходы красят небо в цвет кармин,
И ветер мысли о разлуке носит,
Но не для тех, кто искренно любим.

Заплачет скоро осень золотая,
На быстротечность часа попяняв,
И в вышине последний звук растает –
Не для меня, родной, не для меня.

Все оттого, что есть другие ноты,
Но слышать их не каждому дано.
За уходящим в небыль поворотом
Они навек останутся со мной.

Я не грущу, что лето догорело,
Длиннее ночи, зори холодней,
Ведь есть моя любовь на свете белом,
И мне всю жизнь дышать в ее стране.

Моя любовь нежна и незакатна.
Ей в мире петь, покуда я жива,
Сиять звездой тысячекратной
И этим светом душу согревать.

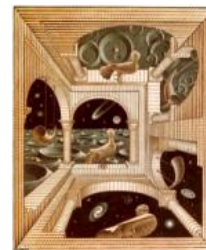

*Евгения Худякова.
Портрет Вероники, 2016, масло*

ПОЭЗИЯ

Петр Ежов

(МОССАЛИТ, Москва)

Осень

(песня)

А осень шуршала, листвою звала,
Била дождями в колокола.
Бесилась, вальсируя, в кружении муз,
Пела ветрами загадочный блюз.

Припев:

Такое время года за окном,
И слякотью невзгоды, и мысли об одном –
Куда уйти от грусти и просто убежать,
Нахлынувшие чувства ничем не удержать.
Такое время года...

Холодные ночи, дело к зиме,
А осень не хочет погаснуть во тьме.
И медное танго, сжигая ладонь,
Роняет на землю последний огонь.

Припев:

Такое время года за окном,
И слякотью невзгоды, и мысли об одном –
Куда уйти от грусти и просто убежать,
Нахлынувшие чувства ничем не удержать.
Такое время года...

Кармен

Танцуй, моя, Кармен,
Пылай, цыганка, страстью,
Бери в свой сладкий плен
Меня... какое счастье!
И за тобою вслед
Бежать, забыв обиды,
Как бык на красный цвет
Убийственной корриды...

И роза в волосах
Сияющим каскадом,
Игривый блеск в глазах
Испепеляет взглядом.

Пляши назло судьбе,
Ведь красота по праву
Главенствует в тебе –
Соблазн крутого нрава.

Ничьей не хочешь быть,
Ты вольная как птица,
Но хочется любить –
Тобою насладиться.

Танцуй, моя Кармен,
Пылай цыганской страстью,
Пусть жизнь полна измен,
Сжигай своею властью.

Старец

С доброй улыбкой щурятся глаза
седовласого старца.
Он шепчет о прошлом и о будущем,
изъясняясь на пальцах.
И все-то он знает, что и где происходит,
И даже что ожидает нас завтра.
Он постоянно мантры читает,
В этом его сила и правда.

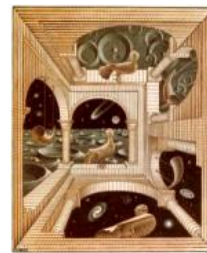
Лента тесемкой на волосах,
Усы с густой бородою,
И по ночам высоко в горах
Он говорит со звездой.
И молится Богу с любовью за всех,
В этом его сила и правда.

Евгения Худякова. Монах, 2016, масло

ПОЭЗИЯ

Александр Балтин
(Москва)

Давид поет саулу

Еще не знаю золотую
Судьбу грядущую мою.
Как пастушок я существую,
А вот уже царю пою.

Играю на орудьях струнных,
И пению внимает он,
Хотя душою – из чугунных,
Быть мягким – явно не резон.

Уже сразил я Голиафа,
Бил из пращи прицельно в лоб.
Хоть великан, а не был прав он,
Убить необходимо, чтоб

Народ мой задышал свободней.
Господь не даст пустой судьбы.
Кто ж выступает часто сводней?
А за грехи всех ждут гробы.

И я пою царю Саулу,
И он внимает, загрустив.
Сквозь музыку он внемлет гулу
Времен, что нас отправят в миф.

* * *

Все к дому старому я езжу,
Сквозь муку нынешнего дня
Былое золотисто брезжит.

Как будто снова мне дана
Возможность видеть папу: вышел,
Очки поправил... Ну а кто
С ним рядом? Он куста не выше,
Но улыбается зато.

Сижу во дворике уютном,
На окна, из каких глядел,
Смотрю – в неверье абсолютном,
Что век прошел мой.
Пролетел.

Вот с гладиолусов букетом
Меня отводят в первый класс.
Но я растерянный при этом –
Чревато новое для нас.

И я встаю.
Да, со скамейки
Встаю и уезжаю в даль.
И брезжит прошлое. Сумей-ка
Сказать, что оно не жаль.

Сиреневый сад

Кто из сиреневого сада
Захочет в никуда бежать?
Трудился много, что награды
Не воспоследовало – жаль.

А сад сиреневый – гляди-ка,
По сути, морг. Ты в нем – живой,
И на столе лежишь, что дико,
С пробитой черной головой.

Стихами голова пробита:
Сиреневый колышет сад.

И в никуда летит молитва,
Как очень много лет подряд.

Вся жизнь, когда по сути, бегство –
Из детства в юность, и т. п.
Всего отчетливее детство,
А старость не узнать тебе.

Иль, может, старость и мелькала
По строчкам детских виражей,
Где многокнижье увлекало
Сплошной реальностью своей?

Все кончено. Потом начало.
Какая скука. Вновь и вновь.
Так мало прожил. Так не мало.
Так много ты истратил слов.

Предел сиреневого сада,
Иль морг – чей холод, как зима?
И вот тебе одна награда –
Ты сходишь от стихов с ума.

* * *

Изображенья на граните
Как будто плачут. Моросит.
Спокойно ль, мертвые, лежите,
Утратив к жизни аппетит?

Станция метро «Новослободская»

«Новослободская» с парнем
Великолепных витражей!
В моей судьбе дана сплетеньем
Различных жизненных лучей.

Дом с коммуналками, в одной из
Я прожил первых десять лет.
Теперь – под пятьдесят – изноюсь,
Что так стремителен сюжет.

Сюда, бывает, приезжаю
И возле дома я брожу,
Как будто тень свою встречаю,
Но не охватывает жуть.

Неподалеку и больница,
Откуда папу хоронил.
Двор морга, золотые листья,
Я ничего не позабыл.

Еще – издательство здесь рядом,
И в нем – мечтательный дурак –
Я книги издавал, и садом
Дышал поэзии.
Вот так.

«Новослободская» красива –
Полет пестреет витражей.
Жаль, каждой жизни перспектива
Лишь путь в посмертный мир огней.

Отцы, и сыновья, и деды,
И матери – единый круг.
Что поражения? Победа?
Работы, радости, досуг...
Сухая соль Екклесиаста
Давно разъела мне мозги.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Но мертвых вряд ли государство
Представлю. И его стихи.
Седьмого декабря бесснежно.
И морось. Кладбище. Кресты.
Живой один дан безнадежно –
Идущий по дорожкам ты.

* * *

Блажен, кто на скрижалях мира
Оставил знак своей души.
Неважно – ноты или лира
Открыли чудо-рубежи.
Иль цифры, формулы открыли.
Скрижали мира велики.
Из нашей их не видно были,
Как часто не слышны стихи.

Малыш в снегу

Он ловит хлопья в первый раз.
В снегу малыш – он так смеется.
Любой трагический рассказ
О смех подобный разобьется.
Он в горстки набирает снег,
Комочки лепит и кидает.
И рядом взрослый человек
Себя ребенком ощущает.

Вирсавия

Не представлял, что он не представляет,
Какою красота бывает.

Вирсавия! Пшеница, виноград!
Ее с ума сводящий аромат.

Не представлял, что он не представляет,
Какою подлость царская бывает.

И Урию он властно шлет с письмом,
И Урия не знает, что же в нем.

А в нем приказ – послать в такое пекло,
Чтоб не осталось даже крошки пепла.

Не представлял Давид, какую карой
Быть можешь самому себе кошмарной.

29 декабря

Сосед по коммуналке дядя Костя
Игрушечные подарил часы.
Украсили они твой детский космос –
Лицом казались, стрелки, как усы.
Ты мал, и собирались только дяди
И тети – все родителей друзья,
С детьми, конечно. Часто только ради
Того и жил я, ощущалось, дня.
Он перед Новым годом. И красива –
В шарах, гирляндах и богатырях –
Под потолок уходит елка: диво!
А двор так бел! Потемкам ставит шах.
А мат мне возраст, верно, ныне ставит.
Я в зеркало, как в пустоту, гляжу.
Компании припомню, тему яви
Веселой, пьяной, что теперь – как жуть.
Под 50 – какой там день рожденья?!
С утра навалит мертвая тоска.
Почти полвека. И неясно мне: я
Зачем же стал заложником стиха.

АФОРИЗМЫ и МИНИАТЮРЫ

Юрий Тубольцев
(Германия)

- Земля имеет форму каната, но человек не смотрит себе под ноги и думает, что она плоская.
- Путь един, смена пути – это только иллюзия.
- Только загнанный в угол может выйти в четвертое измерение.
- Орел, который ворчит во время полета, становится индюком.
- Отчетливость – враг истины, истина возможна только на полустертом пергаменте.
- Как солнце ни переставляй – всегда что-то остается в тени.
- Дырка в заборе лучше ворот, она всегда открыта для всех.
- Жизнь – это раскопки, в которых сам не знаешь, что откапываешь самого себя.
- Не все то козырь, чем козыряют.
- Из двух зол выбирай то, которое подороже.
- Речь – это скорлупа мысли.
- Мысль – это только иллюзия мысли.
- При смене горизонта меняется и угол зрения на путь.
- Пустой сосуд пустотой не наполнить.
- Худой субъективизм лучше толстой объективности.
- Даже неискаженный факт – еще не факт.
- В мире все связано, но связал все ты сам.
- Любому существу присуще неприсущее.
- Если у медведя в берлоге стоит улей, значит, он сам рвет пчелам цветы.
- Если из кенгуру сделать человека, он станет выскочкой, – говорил профессор Преображенский после неудачного опыта с Шариковым.
- Сколько попугая за язык ни тяни – от него своих мыслей не дождешься.
- Не впрягайся туда, куда впрягается твой лирический герой, потому что ты никогда не угонишься за своим вымыслом.
- Нежная грубость лучше, чем грубая нежность.
- Уступай, но не отступай.
- Не все, что мыслится – мыслимое.
- Железную логику можно взломать только простым бредом.
- Теория принятия решений не работает, когда решения касаются отношений с женщиной и политиками.
- Грехи «Гугла» выискивает «Яндекс».

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

- Гениальность – оправда внутреннего конфликта.
- Тобой вертит то, что вертится у тебя на языке.
- Большие сравнения чреваты большими несоответствиями.
- Отличай самопознание от самокопания.
- Не дай форме формировать содержание...
- Здравый смысл лишь крохотный фрагмент абсурда.
- У всех гениев комплекс несостоявшегося гения: не могут же они знать, насколько они состоялись...
- Не стоит лепить из пластилина кристалл.
- Кто играет в Бога – тому в ад дорога.
- Ум дан человеку для того, чтобы он боролся за свое сердце.
- Охотнее всего ковбои укрощают неукротимых.
- Не высовывайся – подрежут, – говорил куст.
- В истории в первую очередь забывается то, что все намерены не забывать.
- Человек может разрушить мир, но человек никогда не разрушит миф.
- Жизнь сложно не усложнять.
- Топнув – нельзя потрясти мир.
- Не стоит вешать одежду на спусковой крючок.
- Не все, что созревает – созревает.
- Бог – не портной: судьба не знает примерок.
- Нам жизнь дана, чтобы любить и любоваться.
- Обида – не лекарство, не надо ее принимать...
- Умей читать свои мысли – будь самотелепатом.
- И в веселых мелодиях проскальзывают грустные нотки.
- Не ищи в толпе тесных отношений.
- Судьба идет навстречу тем, кто мечтает дерзко.
- Не верь в свои мысли – верь в свои чувства.
- Открытые глаза еще не означают, что глаза раскрыты.
- Все отложенное становится ложью.
- Надень бантик на календарь – и каждый день станет для тебя подарком.
- Многие великие подвиги – это великие подлоги.
- Не устраивай курице разбор полетов.
- Отделяй суть от суеты.
- Едкое слово вреднее еды.
- Сделай соседей друзьями, но никогда не делай друзей соседями.
- Относись к первой попытке как к последней.
- Читает только тот, кто читает внимательно.
- Иногда надо сделать отчаянный шаг.
- Не пытайся испить до дна чашу любви – эта чаша никогда не будет пустой.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

- Нет ничего длиннее жизни. Нет ничего ее короче...
- У того глаз зорче, кто умеет на многое закрывать глаза...
- Игра с молодостью всегда заканчивается игрой со старостью.
- Жизнь – это всегда протест: у одних – внутренний, у других – внешний.
- Какую тему ты будешь развивать – такая тема тебя и разовьет.
- Жизнь – это вероятность, вариабельность вариантов которой, невероятна.
- Не только солнце светит, но землю еще освещает свет от светлых мыслей и идей. Человек – чадо природы, но человечество – ее исчадие.
- Информаторы появились раньше, чем возникло понятие информация.
- Упертому тупик необходим.
- Кто платит за свои ошибки – тот реже ошибается.
- Никогда из одной мысли нельзя вывести образ мышления, если это не мысль о любви.
- Только слепые отстаивают свои взгляды.
- Кто рассчитывает на меньшее, с тем считаются больше.
- Не возвышай низменное, не принижай возвышенное.
- Меня удивляет равнодушие весов: какой бы ни был груз на душе – весы на это не реагируют.
- Жизнь – это разминка, во время которой легко разминуться.
- Морские коровы, морские слоны, морские львы, морские коньки и морские свинки не верят в существование коров, слонов, львов, коней и свиней.
- Что такое искренний оскал зверя, начинаешь понимать, когда улыбаются кошки.
- Все перемелется, но не из всего мука будет.
- Жратит хватать.

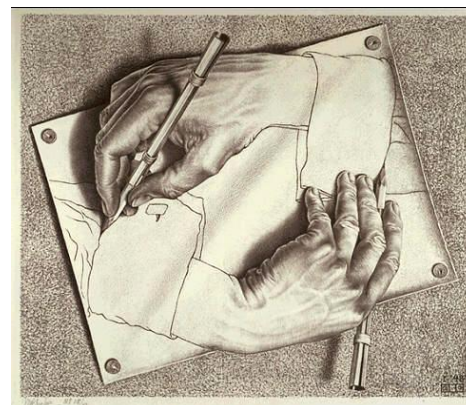

Евгения Худякова. Раннее утро, 2016, акрил

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

Светлана Сударикова
(МОССАЛИТ, Москва)

ДАЧНЫЕ ХРОНИКИ. ОСЕНЬ

Про дачу

Встала в 6 утра, чтобы за МКАДом не попасть в пробку. Машина злющая, ей спать охота, вся облеплена желтыми листьями. На лобовом стекле мелкий бисер то ли дождя, то ли тумана. Мы с ней обе без завтрака – чтобы времени не терять. Завтрак позже, на трассе. Можно в «Макдональдсе» в Посаде, но теперь предпочитаю в «Глобусе» за городом Пушкино. Отличный капучино, и всего 30 рублей, между прочим. Ну и пирожок в придачу. Потом Ярославка. После реконструкции отличная стала трасса. Но особо не погоняешь: то всевидящее око злобно мигает красным, то вдруг переход наземный. Потом Посад. Лавру проезжаю уже не глядя, просто не замечаю за столько лет. Последний оплот цивилизации с ресторанами – одних «Макдональдсов» аж три штуки, – торговыми центрами, музеями и Лаврой, конечно. Заправиться лучше здесь, а то в Тверской области вместо бензина вполне может быть сами знаете что.

И вот – только извилистая дорога и ты. А еще осенний лес, уже почти облетевший, почти обнажившийся, едва прикрытый тряпицами последних листьев. Листьев много. Они кружатся в воздухе, бьются о лобовое стекло, кипами лежат на обочинах, устилают лес толстым пестрым покрывалом. Городов больше нет, только небольшие населенные пункты. Зато в них можно остановиться и купить много всякой всячины, страшно полезной и необходимой в хозяйстве: глиняные горшочки, шерстяные носочки, всякие разные жилеточки, подбитые мехом, и даже самогонный аппарат (в Федорцове).

Граница между Московской и Тверской областями всем нутром чувствуется – машину вдруг резко начинает трясти. Наконец поворот на Скнятино. Позади уже 200 километров. Около станции Скнятино асфальтовая дорога заканчивается. Дальше только бездорожье. Не так чтобы очень плохо, но на легковушке не проедешь (еще пару лет назад было можно), даже когда сухо. А по осени-то лучше и не мечтать!

Зато машинка теперь очень довольна, это ее время. Ползет себе на полном приводе из канавы в канаву. А что там, в канаве, под мутной жижей, и какова глубина, даже представить страшно. Ничего, не впервой. Бездорожье я люблю. Рефлекторно хочется ехать по высокому месту, но по опыту знаю – все равно в колею затянется, так что даже не пытаюсь.

Наконец турбаза с говорящим названием Бухарово. Ура! Там я машинку и оставляю. Думаете, это все? А вот нет. Надо еще через речку перебраться. Для этого есть Валерка с лодкой. Звоню ему, говорю, уже иду к реке. Через 10 минут он перезванивает: «Слушай, Свет, тут такое дело, моей лодки-то на берегу нет, а мотор – в лодке, в носу был спрятан». Валерка неизлечим: один мотор у него уже по весне украли.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Стою на берегу, увешанная рюкзаками и сумками, и думаю, что делать (думаю матерными словами). Можно, конечно, обойти кругом, как это у нас называется, то есть через мост. Но это километров пять. А еще с вещами. Слава богу, подруга оказывается на даче. Она меня и забирает. А лодка у Валерки нашлась. Ее просто сорвало и унесло. Он ее позже отловил.

А потом — дом, пахнущий древесиной, холодный, но радостный. Первым делом затапливаю печь, ставлю чайник и дышу, дышу, дышу, не могу надышаться этим хрустальным осенним воздухом. За калиткой, совсем недалеко, свистят олени. Через два участка вижу соседку Лену.

«Светка, привет, — кричит она мне. — Ты надолго?» — «На четыре дня, а ты?» — «А мы на недельку». Мы — это еще дочь и трое внуков, самый маленький пока в колясочке передвигается. Так общаться мы можем только глубокой осенью, когда листва облетает. Ночью будут гореть только фонарь в одном конце деревни, один фонарь — в другом и окна в паре домов. И тишина такая, что начинаешь подозревать, что ты умер и попал в рай.

Вы, владельцы близлежащих дач, когда от дома до дома всего пара часов, а дорога упирается в автоматические ворота, еще не завидуете мне? Если нет, то совершенно напрасно! Это такой кайф!

Кстати, у нас почти у всех есть такие вот дачи. Мы называем их ближние дачи. Но их или сдают, или там живут родители, а сами мы только на Волнушку. Сумасшедшие! Что с нас возьмешь! Место у нас такое: если приняло тебя, то это на всю жизнь. А кого отвергло, тот уже не возвращается — далеко, неудобно, к дому не подъедешь...

Про Яковлевича и тайгу

Не устаю удивляться нашему старшему поколению. Иду тут по деревне, а мне навстречу сторожил наш, Николай Яковлевич Соловьев! Он еще брата моей бабушки помнит, который на войне погиб. Ему 84. В свое время уехал учиться и работать в Москву, потом, став пенсионером, вернулся в деревню. И вот только пару лет опять на зимовку уезжает в Москву. Как жена, Люба, умерла, так ему одному зимой скучно стало.

Работали они с Любой всю жизнь в оборонке, там и познакомились. Тетя Люба всем в деревне чинила технику: телевизоры, утюги, чайники. С моими батюшкой и матушкой дружили.

Тетя Люба с Яковлевичем присутствовали при испытаниях ядерного взрыва, наблюдали из укрытия, в самый момент их попросили на всякий случай повернуться спиной, тогда никто о последствиях толком не знал. Как она мне говорила: «Мы с Николаем давно должны были умереть, а вот все живем». Ей было 78, когда она умерла от рака.

А он вот все скрипит потихонечку. Вижу частенько, как он идет неторопливо, опираясь на палочку – ноги болят. И тут встречаю его на улице, стала спрашивать, почему то или иное место в лесу так называется. Вот эта полнянка – Сорокино, а эта – Мошки. По мне, он лес и лес. Но всему, оказывается, объяснение есть. «Раньше, – говорит Яковлевич, – лес был поделен между деревнями. Там, где сейчас Сорокино (просто кусок леса), граница проходила, и лес этот принадлежал сорокинцам. Это деревня на той стороне реки, там сторожка стояла, а лесник к твоей бабушке сватался, да она отказала. А на Мошках жили раскулаченные из Брянской области. Там не лес, поле было. У них там пасека была. Их потом убили».

Я все внимательно слушала, думала, только бы не расплескать и до дома донести, не забыть названия всяких речушек, фамилии людей, которые там жили, чтобы записать в тетрадочку. Естественно, забыла. Он помнит, в 84, а я забываю все.

И тут он мне говорит: «А я сегодня ходил за грибами, сначала пошел на Сорокино, оттуда на Маслевку, потом вернулся на Сорокино, да не по той дороге пошел и вместо деревни вышел к Вышке, а потом к железной дороге. Устал страшно». Слушаю я его, и глаза у меня на лоб вылезают, потому что только до Сорокина и обратно шесть километров, плюс до Маслевки и обратно столько же, да ежели еще до Вышки, потом к железной дороге и обратно в деревню – еще километров пять. И все это с громадной корзиной, как три мои.

Я его спрашиваю: «А не страшно вам одному-то так далеко ходить?» Он все же старый, больной человек, может ведь и плохо стать. Но он решил, что я другое имею в виду, и рассказал мне историю, как по молодости один ночью по тайге шел. А дело было так. Отправили его в командировку в какой-то таежный город, а Яковлевич по какой-то причине прибыл на сутки раньше, и его не встретили. А от станции до места назначения сорок километров. Пошел в гостиницу, единственную в местном городишке. Мест, конечно, нет. «А где ж мне ночевать?» – спрашивает он. – «А идите вы, – говорят ему, – на пасеку. Шесть километров по тайге. Там, у пасечников, и переночуете».

Он и пошел. Вышел на пасеку, а там – красота! Неописуемая: пчелки жужжат, солнце заходящее медовые лучи на землю льет, цветы таежные благоухают, и сидят на бревне пасечники. Пьянущие вдрызг! Говорят, садись, мил человек, пить с нами будешь. Он отвечает, мол, не пьющий я. Они – в обиду. В общем, он все понял, спрашивает, а дальше деревни есть. Отвечают, есть, еще десять километров.

Пошел он дальше, пришел в деревню. Смеркается уже. А там бабы одни. Мужики с ночевкой на делянку уехали. Бабы его накормили, молоком напоили, но ночевать не пустили. Мы, говорят, тебя не знаем, мужиков у нас нет, так что ступай дальше. Он живо интересуется, есть ли деревни дальше. Нет, говорят бабы, дальше только город, куда ему как раз и нужно. Но это почти тридцать километров. А уже ночь. Но не возвращаться же! И пошел он один по тайге, ночью. Красота необыкновенная! Полная луна в небе – и фонаря не надо, тайга шумит, живет своей таежной жизнью, таинственной и опасной. «Неужели не страшно было?» – спрашиваю я. – «Нет, – говорит, – не страшно». – «А медведи?» – не унимаюсь я. – «А что медведи? У них своя дорога, у меня своя»...

Вот такое поколение! А вам сорок километров по тайге ночью пройти слабо?

Про котов

А у нас за забором брошенная кошка еще в августе родила котят. Чудных маленьких котят. Их четыре. Два серо-полосатых, один пестро-полосатый и один черненький, как уголек, с круглыми ярко-голубыми глазами. И все в белых ботиночках и с манишками.

Котята очень пугливые. Прячутся среди досок, но любопытство берет верх и время от времени они вылезают. А кошка совсем ручная. Видимо, когда-то ее завели для удовольствия, а потом за ненадобностью бросили. Вот и бегают она от дома к дому. Очень любит, когда ее гладят. Мурлычет и выгибает спинку. Но на руки не дается. А еще очень пуглива. Чуть что, вздрагивает и отскакивает.

Недобрые люди гоняют ее, швыряют палки. Не нравится им, что она ходит по их участкам. Кошка – страшная попрошайка. Будет ходить за тобой, пока не получит кусочек еды. А есть она хочет постоянно. Не удивительно – она же кормящая мать.

Дикий кот

А это наш дикий кот. Вероятный папаня котят. Шесть лет назад он тоже родился в куче стройматериалов. Их было двое. Второго котенка отловили и взяли, а этот, на свою беду, смылся. Теперь он совсем дикий. Близко к себе не подпускает. Как я ни пыталась приручить – бесполезно.

Очень осторожный. Живется ему нелегко. Особенно зимой. Очень голодно. Как он умудряется выживать, уму непостижимо. Но выживает. Летом легче. Только гоняют его с участков: он же домашних котов обижает. Территорию-то всю он считает своей. А тут ходят всякие, кастрированные. Сейчас он готовится к зиме, отъедается. Он уже знает, что будет голодно, холодно и снежно. Дай бог им всем выжить!

Про грибы

Грибов в этом году особенно много. Растут там, где им не положено. Смотришь под ноги, а там белый торчит. Чистенький, хорошенький. Выйдешь за калитку, пройдешься минут пятнадцать вдоль дороги – тридцать белых принесешь. Еще много чернушек, груздей, рыжиков. Рыжики любят гнездиться в траве на опушках. А чернушки – в еловом лесу. Идешь, под ногами сухие иголки, а в иголках черные шляпки торчат. Главное, не проглядеть. Чернушки с дуплянками – самые лучшие грибы для засолки. Дух у них лесной, глубокий. Варишь – и вся кухня им наполняется. Можно и не варить, просто вымачивать четыре дня – и под гнет. Вкусные, хрустящие.

А грибов все больше и больше. Что ни день, то корзина. Банки на полке множатся, а грибы все не переводятся. Вот идешь по лесу, собираешь – восторг, удовольствие. Домой пришел, перебирать надо. Полдня пропало. Чертыхаешься. На хрена мне это? – думаешь. А потом еще и солить. И куда девать, неизвестно.

А в лес ужас как охота! Азарт. А потом опять думаю вчерашнюю думаешь: куда их девать? Зачем столько насолила? А на следующий день опять в лес. В общем, все хорошо в меру. И мало плохо, но и много нехорошо.

Про котят

Двух котят мы пристроили. Почему-то взяли именно кошечек. Черненькую красотку и серенькую. А два котика остались сиротками. Не знаю, как они зимой выживут. Наверное, не окрепнут еще.

Приехали на выходные и обнаружили, что кошка перетащила их аккуратно мне под дом, сквозь продухи в фундаменте. Там, вероятно, теплее. Котятки подросли и окончательно одичали. А кошка очень ручная, контактная, добрая и ласковая. Как могли бросить такую кошечку, не понимаю! Вот теперь ломаю голову, как облегчить жизнь моим котам зимой, когда никого не будет.

Сезон закрыт

Кошка моя ушла и котят куда-то увела. Видно, как все разъехались, забрала своих чад и переместилась поближе к людям. Появилась только в последний день. Зато дикий кот приходил регулярно на ревизию мусорной ямы, куда мы остатки еды выбрасываем.

В последний день я собрала все неиспользованные продукты, включая просроченные консервы, и вывалила. Кот тут же нарисовался. Пока я была у ямы, сидел в засаде. Стоило мне отойти, как он тут же пролез под калиткой и нырнул в яму. Еды там – дня на три домашней кошатинке. Поев, ушел за забор и устроился недалеко. Перевари... вать. Как я поняла – сторожить еду. А то ходят тут всякие! А я наблюдала за ним с участка. Так близко он не подпускал меня никогда: была буквально в паре метров. Но за забором.

Кот не дурак, понимает, что мне его не достать. Лежит в сухих листьях, поджав лапки, жмурится, делает вид, что дремлет, а сам за мной наблюдает. Пока я бродила по участку, он еще несколько подходов сделал – решил съесть все. И вдруг вижу, с угла от леса бежит моя кошечка бодрой рысью и мяучит. А на ее кошачьей морде написано: «Как? Ты здесь? А я и не знала!»

Я кошку хватить – и к яме, думаю, послежу, чтобы кот ее не прогнал. А кота нет! Так что следить не пришлось. Освободил место даме. Вот так, господа, – мужчина!

Дама наелась от пуза, но все время нервно поглядывала в сторону леса. Видно, он был где-то рядом. Потом подошла к забору и, как суслик, встала на задние лапки, все высматривала что-то или кого-то. И убежала. Кот тут же появился. Пришел доедать. Через некоторое время кошка вернулась с мышью в зубах, похоже, потащила котят. Выбежала с моего участка и рванула куда-то по тропинке. Хотела проследить за ней, но она скрылась в зарослях травы. Вот такая жизнь в кошачьем прайде.

До следующего лета

Жизнь в деревне застывает. Дачники разъехались, теперь – только на выходные. Лишь ветер меряет шагами затихшую деревенскую улицу, да сторож время о времени проходит, смотрит, все ли на участках в порядке. Ночью загораются два фонаря.

Они – как маяки для заблудших душ. Листья облетели и ровным ковром устилают землю. Лес обнажился и без пафосных одежек стал неприкрыто-искренним. То короткое время, когда он полностью открыт и уязвим. Еще немного, и зима наденет на них белые смиренные рубашки, как две капли похожие одна на другую. До следующего сезона...

В тексте использованы фотографии Светланы Судариковой

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

Ян Кауфман

(МОССАЛИТ, Москва)

МОЯ РОЛЬ В ОТКРЫТИИ ВТОРОГО ФРОНТА. МОСКВА, 1943 ГОД

Мне, тогда мальчишке одиннадцати лет, эти два года, прошедшие с начала войны, запомнились непрерывной чередой лишений, карточным недоеданием, немецкими зажигалками, частыми ночевками на ближайшей станции метро «Белорусская», переживаниями о потерях близких, родных, слезами мамы и бабушки. Конца войне еще не было видно, но после Сталинградской битвы уже никто не сомневался, что мы победим немцев. Только когда?

А тем временем почти каждую неделю в наш пятиэтажный дом 21 по Ленинградскому шоссе приходили похоронки, возвращались из госпиталей изувеченные молодые ребята – инвалиды этой проклятой войны. Таким вернулся однажды и мой брат, Иосиф. Не таким, каким я его знал до войны – веселым, жизнерадостным, общительным и постоянно читающим, а исхудавшим и поседевшим в свои девятнадцать лет, замкнутым, с палочкой в руке и с темной повязкой на левом глазу, с орденом на груди.

Вот он-то и объяснил однажды, что скорый конец войны во многом зависит от открытия второго фронта нашими союзниками – англичанами и американцами. Но те почему-то не спешили.

Хорошо помню 18 октября 1943 года, когда, выглянув утром в окно, на противоположной стороне шоссе, где располагалась гостиница «Советская», у ее центрального входа я увидел большое оцепление военных и гражданских лиц. Мы с Володькой Пильским, моим другом и однолеткой, соседом по этажу, стремглав выскочили на улицу. Спустя некоторое время начали подъезжать зашторенные черные машины. К одной из первых, остановившихся у подъезда, подскочил военный в чине полковника и открыл заднюю дверь. Из машины вышел Вячеслав Молотов, в шляпе и пальто, и через оцепление быстро вошел в подъезд гостиницы. Благодаря многочисленным портретам и фотографиям в газетах мы сразу узнали его. Затем подъехали еще несколько машин, из которых так же быстро выходили незнакомые, хорошо одетые люди.

Так началась московская конференция министров иностранных дел СССР, Англии и США. По-видимому, ощущая себя свидетелями исторических событий, мы с Володькой решили запечатлеть это на фотографиях.

На следующий день, вооружившись двумя отцовскими ФЭДами, начали старательно фотографировать входящих министров. Репортерское занятие длилось от силы минуты три. Страшно довольные проделанным, быстро перебежали шоссе и уже у самого подъезда своего дома были остановлены двумя мужчинами, которые отобрали фотоаппараты, посадили нас в подъехавшую черную машину и, не говоря ни слова, куда-то отвезли.

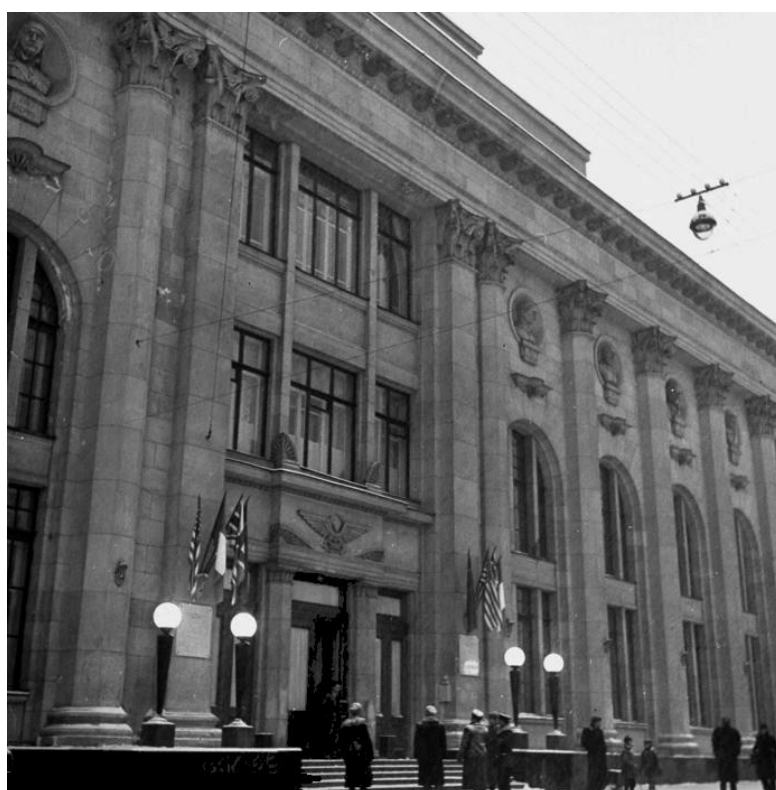
В большой комнате, где на стене висело два портрета – Сталина и Дзержинского, сидящий за столом мужчина задал короткие вопросы: кто такие? как зовут? по какому адресу живете? кто просил фотографировать? Отвечали по очереди, сначала Володька, потом я. А насчет фотографирования так и

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

сказали, что никто и не просил, просто хотели для истории на память. «Я вам устрою такую историю на память, шпионы», – ругнулся он.

Затем «шпионов» отвели в какую-то полутемную комнату, в которой мы просидели до утра без еды и воды, зная наверняка, какая трепка ожидает дома. Рано утром вывели на улицу, нас встретил Володькин отец. Сказав пару слов сопровождающему, он посадил нас в такую же черную машину и отвез молча домой, где меня ждал неприятный разговор с братом и мамой. Да, повезло, что отец Володьки Пильского, как оказалось, сам служил в органах госбезопасности. Фотоаппарат потом вернули, правда, без пленки.

С тех пор в доме нас прозвали шпионами. Его немецким, а меня почему-то японским. Наверное, глаза были уже.

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

Игорь Бурдонов
(МОССАЛИТ, Москва)

ПРИЗРАКИ СТАРОЙ ФРАНЦИИ

В тексте использованы акварельные работы автора

Мы прилетели в Париж в среду, за три дня до начала путешествия по Франции, потому что наши молодые друзья еще были заняты на работе до субботы.

Но давайте представимся: я, Игорь Бурдонов, и моя жена Кадрия из Москвы, Наташа из Томска и Хорхе из Гватемалы. Сейчас Наташа и Хорхе живут и работают в Париже, они снимают маленькую квартиру недалеко от площади Италии, и, чтобы не стеснять их, мы остановились в отеле неподалеку – на площади Альп (*Place des Alpes*).

По утрам я выходил покурить на эту маленькую площадь, смотрел, как проезжают автомобили и велосипедисты, проходят люди, держа в руках пакетики с круассанами из ближайшей булочной, как нервно курит китаец, тоже вышедший для этой цели из нашего отеля и что-то доказывающий по-китайски мобильному телефону, и любовался домом на углу улиц Стефана Пишона и Фагона.

Так появилась акварель № 1. Я еще не привык к той бумаге, что купил накануне поездки, и у меня получились и площадь, и дерево в ее центре, и дом на углу сильно размытыми. Только вернувшись в Москву и погуглив, я с удивлением узнал, что в этом старом и солидном доме располагается публичный детский сад, а люди, которые по утрам образовывали что-то вроде очереди у входа, наверное, были родителями детей.

Акварель № 1

Акварель № 2

Мы с Кадрией были в Париже уже в четвертый раз, поэтому не пошли ни в Лувр, ни в музей д'Орсе, а направились в Центр Помпиду, где как раз проходила выставка работ Рене Магритта, бельгийского сюрреалиста. Увидели в числе прочего его знаменитую картину «Вероломство образов», на которой изображена курительная трубка с подписью «Это не трубка». Там же, в Центре Помпиду, этажом ниже показывалась «Коллекция!» – выставка русского авангарда, дар российских меценатов.

Мы шли пешком, с утра было ветрено и холодно, а я оделся не по погоде и, уже перейдя Сену, взмолился: «Давай срочно купим мне какой-нибудь шарф, а то простужусь». В ближайшем магазинчике купили первый попавшийся шарф, я завязал его на французский манер и так и проходил с ним почти все время во Франции – с погодой нам в этот раз явно не повезло, хорошо хоть дождей не было. Ветер стих, солнышко припекало, и было приятно, выйдя из музея, посидеть и покурить в скверике Башни Сен-Жак (*Square de la Tour-Saint-Jacques*).

Так появилась акварель № 2. А следом за ней и № 3 – это когда мы переходили мост через Сену.

Акварель № 3

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Акварель № 4

На следующий день с утра Кадрия заявила: «Хочу на Монмартр». От площади Альп далековато, но нам повезло: на ближайшей станции метро *Nationale* работали не только автоматы, но и люди, которые помогли нам купить двухдневные билеты на общественный транспорт Парижа. На Монмартре мы застали ярмарку вин и закусок. Взяли по бокалу вина; как оказалось, его нам продали вместе с бокалами. Ну куда девать бокалы? Оставили на ближайшем столике, расстраиваясь, что переплатили: за эту цену в магазине можно было купить целую бутылку хорошего вина.

Потом расстраивались, что не взяли бокалы с собой: пригодились бы в поездке распивать вино в номерах отелей. Ну и конечно, монмартрские художники, куда же без них. Впечатление они производили, а их картины не очень – у нас на Арбате или в Измайлове примерно то же самое. Но все же атмосфера, толпа народа, история...

Так родилась акварель № 4.

Спустились на площадь Пигаль, сели в метро и поехали на Елисейские поля. Здесь было тихо, людей мало, скамейки пусты, вокруг уже царила осень в желто-красных тонах.

Это акварель № 5.

Акварель № 5

Кадрия уже хотела в отель, отдохнуть, но я заявил: «Я тут вычитал в путеводителе, что Монмартр уже в 20-х годах прошлого века уступил пальму первенства Монпарнасу как место тусовки парижской богемы. Хочу туда». И мы поехали на бульвар Монпарнас. Честно говоря, обычный парижский бульвар, но опять же – атмосфера, кафе, знаменитые своими посетителями-писателями, люди гуляют...

И я нарисовал акварель № 6. А рука сама потянулась к белой краске, чтобы добавить белый шарф на плечи господина в длинном пальто. Хотя, по правде говоря, у него не было никакого шарфа, тем более белого, но пусть это будет писатель – ему положено.

Акварель № 6

Вечером мы вместе с Наташей и Хорхе праздновали мой день рождения, ну так получилось, что у меня был день рождения. К нам присоединились Марина, тоже из Москвы, поэтесса, но уже год живет во Франции, и ее муж Александр, кинодокументалист, который живет в Париже давно. Александр сказал, что он десять лет прожил в районе площади Италии и все тут знает. И повел нас в китайский рестораник. Судя по количеству народа, заведение пользуется успехом. Выпили вина, поели палочками...

Никакой акварели я по этому поводу не нарисовал, а пишу, потому что вспомнить приятно.

В субботу мы с Кадриёй отправились в Большой дворец (*Grand Palais*) на выставку мексиканских художников. Я даже вздрогнул, услышав из динамиков русскую речь: показывали фильм Эйзенштейна «Да здравствует Мексика!». А после выставки, двигаясь к станции метро, оказались около *La Comedie Francaise*, где застали выступление уличных музыкантов, которые играли на духовых инструментах. Два колоритных продавца чего-то съестного и горячего улыбались и чуть-чуть приплясывали под музыку: наверное, им нравилось, что представление привлекает публику, которая может что-то купить и съесть.

Акварель № 7.

Акварель № 7

Вообще-то мы планировали отправиться в путешествие из Парижа с утра в субботу, но планы изменились, потому что у Наташи в субботу вечером была игра. Но тут, наверное, нужно лучше представить наших друзей. Дело было так. Сначала я познакомился с мамой Наташи, Ниной – доктором технических наук и профессором Томского университета. Это было деловое, научное знакомство, которое переросло в дружбу. Нина была оппонентом на защите моей докторской диссертации, потом я был оппонентом на защите кандидатской диссертации Наташи, а теперь Наташа уже написала докторскую и я буду оппонентом на ее защите в Томске. А с Хорхе из Гватемалы мы несколько раз виделись на разных научных конференциях. Больше года назад Хорхе и Наташа стали работать в Париже по контракту.

Они сняли квартиру, купили машину, и как-то мы договорились провести вместе неделю отпуска в поездке по Франции на этой машине. А Наташа занимается волейболом, во Франции ее приняли в команду, которая играет, как я понял, на преднациональном уровне, потому что выше, на национальном уровне, этим уже нужно заниматься профессионально, ездить по всей Франции и т. д., что, конечно, плохо совмещается с работой по специальности. Итак, вечером у Наташи был волейбол, играли, как я понял, команды двух парижских предместий. Хорхе забрал нас из отеля, мы сидели в их квартире и ждали, когда пора будет ехать за Наташей после игры.

От нечего делать я нарисовал акварель № 8: вид из окна дома 34 по *Rue des Peupliers*.

Когда мы приехали в предместье (забыл, как называется), игра еще продолжалась. Мы попали на сет, где «наши» проигрывали, и очень расстроились.

Акварель № 8

Но потом был еще один сет, «наши» выиграли и оказалось, что выиграли весь матч. В прекрасном расположении духа мы сели в машину и отправились в Труа (*Troyes*) – столицу Шампани. Приехали уже ночью, так что просто легли спать после пары рюмок виски.

Аквадель № 9

Имя города Труа произошло от названия кельтского племени трикассов. В I веке до н.э. он был завоеван Юлием Цезарем, потом были нашествия гуннов и норманнов. С утра мы пошли гулять по Труа, выпили кофе за столиком около собора Сен-Реми, наблюдая на одноименной площади тусовку собак и собачников, среди которых (собак) не было двух одной породы. Полюбовались пламенеющей готикой базилики Святого Урбана,

построенной в XIII веке на месте сапожной мастерской, в которой появился на свет будущий папа римский Урбан IV. А за полтора года до этого, в 1129 году в Труа состоялся церковный собор, одоббивший создание ордена тамплиеров. Потом мы наблюдали радугу над каналом (*Canal du Trevois*), соединяющим Сену с ней же самой. Обедали в ресторане за выносным столиком на какой-то маленькой улочке. Разумеется, продегустировали шампанское (все-таки мы в Шампани!). Разглядывали фахверковые дома (это когда балки видны снаружи) на *Place Alexandre Israel*.

Аквадель № 9.

И вот уже нам пора ехать дальше – в Лион.

В Лионе сливаются две реки: Рона и Со́на. Около Роны как раз и был наш отель. Утром мы поехали в центр города, припарковались под площадью *Bellecour*, имя которой происходит от названия виноградника одного епископа, жившего в XII веке, и означает «красивый сад» – «*bella curtis*». Что несколько комично, поскольку эта площадь совершенно пуста, если не считать статуи Людовика XIV, и является самой большой в Европе пешеходной площадью, свободной от каких-либо насаждений или строений.

Наш путь лежал на холм Фурвьер – *Fourvière* от латинского *Forum vetus* – Старый форум. Здесь когда-то был форум римского императора Траяна, а до этого... история несколько запутанная. Согласно трактату «О реках», приписываемому Плутарху, кельтские друид Момор и правитель Атепомар, повинаясь оракулу, основали на холме город, получивший имя Лугдун – Холм ворона, или Холм света, или Холм Луга – кельтского бога Солнца, что, впрочем, одно и то же, поскольку считалось, что Луг имеет облик ворона. А может быть, потому, что Момор, опытный в птицегадании, основал Лугдун, увидев воронов у горы. А может быть, Лугдунум основал в 43 году до н.э. Мунаций Планк, лейтенант Юлия Цезаря.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Так или иначе, от этого Лугдуна или Лугдунума и произошло название города Лион. В 1168 году на месте римского форума основали церковь, которая сейчас называется Базилика Нотр-Дам-де-Фурвьер. Она будто парит большим белым вороном над всем Лионом, который виден с холма как на ладони, а сама она видна снизу из любой точки города.

Это акварель № 10.

Акварель № 10

Но до того как я стал ее рисовать, нужно было подкрепиться, что мы и сделали в одном из бушонов. Так называются сертифицированные рестораны традиционной лионской кухни, которые должны удовлетворять двадцати пяти критериям и которые можно найти только в Лионе. Крышка, которая навинчивается на горловину тубы, официально называется бушон, французы же, похоже, имеют в виду любую пробку для бутылки. По одной из версий, бушоном назывался пучок соломы, которым затыкали бутылки – хотя я, убей бог, не понимаю, как соломой заткнуть бутылку! – а еще такой пучок вешали вместо вывески, а кто-то считает, что пучком соломы обтирали лошадей после долгой дороги и перед сытным обедом. В общем, дело темное, зато достоверно известно, откуда взялись такие рестораны. Лион – город ткачей, и в XVII-XVIII веках рабочие шелковых фабрик, устав от тяжелой работы, должны были как следует поесть, для чего лучше всего подходила простая, но сытная деревенская пища. В отличие изысканной французской *Nouvelle cuisine* («новой кухни») с деликатной подачей блюд, в бушоне вас ожидают блюда попроще, с большим количеством мяса.

И уже на следующий день... Да, у нас получилась поездка, где в каждом городе мы ночевали одну ночь, а на следующий день снова отправлялись в путь. Еще когда мы планировали маршрут, Наташа спрашивала, не тяжело ли нам будет по 4-5 часов проводить в дороге? Может быть, что-то пропустить? Но мы ничего не хотели пропускать! И я ответил: если водители не возражают, то нам, пассажирам, тем более ничего не страшно.

Итак, на следующий день мы поехали в Мутье-сен-Мари (Moustiers-Sainte-Marie). Мы там уже были два года назад, но нам хотелось, чтобы Наташа и Хорхе тоже увидели этот чудный провансальский (или прованский – я так и не разобрался, как правильно, и вполне ли это синонимы) городок. Уже поздно вечером мы подъехали к нашему отелю рядом с городом. Девушка с ресепшена уже ушла, оставив нам записку и открытые номера с ключами на столах. Но вот проблема: хотя в бушоне мы хорошо пообедали, но прошло уже много времени и не мешало бы поужинать. Пока мы с Кадрией обустраивались в номере и готовили чай, Наташа с Хорхе поехали в город раздобыть чего-нибудь съестного. Как бы не так! Все заведения уже были закрыты, кроме одного, в котором посетители сидели за столами без какого-либо намека на еду. А на просьбу продать хотя бы багет, последовал ошеломляющий

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

ответ: «Ничего нет! Все съели, даже нашим постояльцам не хватило, они только пьют». От голодной смерти нас спасли последняя пара пакетов чипсов из автомата и паштет, который Наташа купила не то в Лионе, не то в Труа.

Утром у Хорхе аудиоконференция с коллегами по работе. Поэтому у меня выдается целый час на то, чтобы нарисовать акварель № 11: ничего особенного – вид из окна номера.

Потом едем в город. Он уже проснулся и ожил. Вообще-то это скорее деревня – 710 жителей, по данным 2008 года, хотя и признанная «самой красивой деревней» французской ассоциацией самых красивых деревень, призванной рекламировать и поддерживать живописные места с населением до 2000 человек. Но как-то язык не поворачивается сказать «деревня»: по российским меркам деревня – это что-то деревянное, и в ней не бывает мишленовских ресторанов, а в Мутье такой есть!

Акварель № 11

Мы поднимаемся на гору к часовне Нотр-Дам-де-Бовур (*Notre Dame de Beauvoir*). Дорога размечена четырнадцатью станциями крестного пути. Над часовней, на высоте 200 метров, уже много лет висит на цепи золотая звезда. Согласно легенде, которую рассказал всему миру поэт Фредерик Мистраль, звезду поклялся повесить над родной деревней плененный сарацинами рыцарь, живший в X веке, если ему удастся вернуться домой. Звезду меняли двенадцать раз, нынешняя висит уже полвека, ее диаметр больше метра, а длина цепи 135 метров. Спустившись вниз, обедаем в ресторанчике (не мишленовском – тот закрыт) на берегу речки, которая сбегает с горы, образуя каскад водопадов, и через которую переброшено несколько мостиков по всему городку.

Однако пора ехать дальше. Мутье-сен-Мари находится рядом с Вердонским ущельем. В триасовый период (200 миллионов лет назад) на территории Прованса было море, которое

оставило толстые известковые слои. Через 50 миллионов лет нижний Прованс стал подниматься, море отступило, но образовались гигантские трещины, в том числе – Вердонское ущелье. Его длина 25 километров, а глубина достигает 700 метров. Внизу протекает ярко-синяя река Вердон, которая после выхода из ущелья образует искусственное, но очень красивое озеро Сент-Круа-дю-Вердон (*Sainte-Croix-du-Verdon*).

Акварель № 12.

Акварель № 12

А впереди нас ждал Тулон, а в Тулоне нас ожидала встреча еще с одной Наташей, тоже сибирячкой – родом из Новосибирска. Мы познакомились с ней в 2013 году, когда путешествовали в Лангедоке по стране катаров. Кто забыл, катары – это такие христианские еретики в XII-XIII веках, ну те, кого очень любили в Лангедоке, особенно, в Тулузе, Фуа и Каркассоне, да и во всей Окситании (от Испании до Италии), и очень не любили в Риме, ради кого была создана инквизиция, кого сжигали на кострах, против кого были направлены альбигойские войны.

Это было волшебное путешествие: мы шли пешком по горам и долам, поднимались в катарские крепости (*Château de ...*) от Керибюса до Монсегюра, пока наши чемоданы перевозили на автомобиле от одного глухого городишки (ну типа деревни) до другого. Наташу для нас нашла туристическая фирма как переводчицу: в таких глухих местах английский бы нас не спас, тем более что и им-то мы владели хуже некуда. Мы подружались и вот, наконец, представился случай снова увидеться.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Сначала мы погуляли совсем немного по Тулону, уже вечерело.

Акварель № 13.

А вечером подъехал муж Наташи, которого звали Себастьян и который, понятное дело, был французом. Мы подъехали к берегу моря, потрогали воду и обосновались в рыбном ресторанчике у края пляжа. Наташа (та, что из Новосибирска, ну в смысле теперь из Тулона) переживала, что ее мужу будет трудно, если мы все не говорим по-французски или хотя бы по-английски. Напрасно она волновалась! Себастьян оказался тоже связанным с чем-то околоскомпьютерным и между ним, Хорхе и Наташей (той, что из Томска, ну в смысле теперь из Парижа) завязался оживленный разговор на смеси французского с английским. Я в нем участия не принимал, отчасти по причине незнания языков, а отчасти потому, что был в отпуске, отдыхал и наслаждался едой и вином.

Акварель № 13

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Ну а с утра, как уже нетрудно догадаться, мы снова отправились в путь – в страну катаров! По дороге к месту назначения я все же завопил: «Мы должны непременно

подняться хоть на одну гору, хоть к одной катарской крепости!» Меня послушали. Это была крепость Керибюс (*Château de Quéribus*), наша первая крепость в 2013 году и, увы, единственная в этом путешествии. Погода не слишком благоприятствовала, уже темнело, и мы едва успели до дождя. Зато наверху, на продуваемой всеми ветрами площадке, над нами было только небо! И Хорхе кричал: «Я чувствую себя королем!» Ну это, наверное, от избытка кислорода.

Акварель № 14.

Акварель № 14

Несмотря на Керибюс, мы все же успели к ужину, даже к аперитиву. И вот мы еще в одной деревушке – Кюбьер-сюр-Синобль (*Cubières-sur-Cinoble*). Ну это уж точно деревня: 94 человека по состоянию на 2008 год. Маленький семейный отель по адресу 4 *Rue de la Mairie* так и называется «*Accueil au Village*» – «Прием в деревне». Здесь мы останавливались в 2014 году, когда второй раз попали в страну катаров и таки «покорили» оставшиеся непокоренными в 2013 году катарские крепости. Нас ждали очаровательная Франсуаз и ее молчаливый нормандский муж Марко. Марко превосходный повар и основное время проводит на кухне, а Франсуаз принимает гостей, ведет бухгалтерию и все такое прочее. В отеле всего несколько комнат, вместо номеров – названия цветов. Мы с Кадриёй останавливаемся, как и в прошлый раз, в *Камелиях*, а Наташа с Хорхе – в *Орхидеях*.

Акварели № 15 и № 16. Честно говоря, я нарисовал их еще в Москве, перед поездкой, чтобы подарить Франсуаз. Почему две? Сначала я нарисовал № 15, но она мне показалась недостаточно... свободной, и я нарисовал еще одну. А вот теперь и не знаю, какая лучше. Подарил обе. Кажется, Франсуаз была довольна.

Акварель № 15

Акварель № 16

Прошлый раз Франсуаз основательно подготовилась к приему гостей из России, ни бельмеса не понимавших по-французски. Установила на своем планшете программу-переводчик: так мы и общались. Но, прощаясь, обещали к следующему разу учить французский. Кадрия выполнила обещание: она уже кое-что понимает, хотя и боится говорить. Зато у нас были Хорхе и Наташа, которые свободно болтали по-французски за общим столом. Кроме нас и Франсуаз были еще две француженки из Парижа и один ирландец, художник, который уже несколько лет живет в этой деревне, хотя, похоже, предпочитает разговаривать по-английски, благо Наташе с Хорхе так даже лучше. Ну и я чего-то ему пару раз сказал, календарь с репродукциями картин, который он сделал, похвалил: правда хороший. А когда остались только мы четверо и хозяйева, Франсуаз предложила покурить прямо тут, за столом. Все-таки, семейный отель имеет преимущества. Французы любят покурить, но в других местах, если вы не дома, приходится делать это на улице, ну еще в кафе, барах и ресторанах за столиками под навесом, где уже начали включать обогреватели: чтобы и на улице – то есть курить можно, – и не холодно.

Кстати, я забыл рассказать, на каком языке мы общались в пути. Понятное дело, что трое из четырех могли разговаривать по-русски, что мы часто и делали. Когда надо, Наташа переводила Хорхе наши слова, а его слова – нам. Иногда я пытался выдать из себя пару фраз по-английски, а Кадрия добавляла что-то по-французски. Но Хорхе, на самом деле, уже кое-что понимает по-русски и говорить тоже может. Что и неудивительно: он был в России уже 13 раз! Да и Наташа помогает. Но что ему дается с трудом, так это наши бесконечно меняющиеся окончания и вообще перемены букв в словах. Все эти «-ой», «-ая», «-ые». Ну почему, взывал он, лечь на кровать, лежать на кровати, а искать под кроватью! С ума можно сойти! А и правда, как это мы в детстве выучили такой трудный язык?

Утром облака сползают с близких гор и местами заслоняют дорогу. На пару минут останавливаемся у горы Бюгараш при въезде в городок Бюгараш (или деревушку – 200 человек). Это место знаменито: 21 декабря 2012 года, в последний день 5125-годового календаря майя, полагалось забраться на гору и ждать там конца света. Дело в том, что

Акварель № 17

Бюгараш имеет необычную форму: геологи говорят, что вскоре после формирования горы мощный взрыв оторвал и подбросил ее вершину, которая приземлилась обратно в перевернутом состоянии. Инопланетяне устроили на горе свою базу НЛО, чтобы забрать с собой поднявшихся туда людей и покинуть Землю во время всемирной катастрофы. Но сегодня уже 2016-й и по горе Бюгараш двигаются только белые облака.

Пожалуй, я добавлю еще одну акварель № 17, хотя она и сделана раньше, в 2013 году.

Бордо мы смотрели уже вечером, хотя нам так и сказала случайно встретившаяся русская пара (а может быть, русской была только мадам, а месье был француз): Бордо лучше смотреть вечером, когда зажигаются все огни. Прогулялись по набережной Гаронны, поужинали в ресторане и, конечно, пили бордо.

Тут я уже, наверное, устал и больше акварелей не рисовал. Да и вы, наверное, устали читать меня, так что закончу коротко.

Оказалось, что Наташе срочно нужно в Париж получить какую-то бюрократическую бумажку, без которой она не могла лететь в Австрию на конференцию и которая пришла только сейчас, в самый последний момент (французы большие бюрократы). Сегодня пятница, завтра все закрыто, а лететь в воскресенье. Наташа уехала в Париж ранним утром скоростным поездом, а мы с Хорхе покатали по шоссе через провинцию Коньяк. Ехали долго, останавливаясь только чтобы заплатить за платную дорогу. Нужно сказать, что во Франции, особенно на юге, почти все скоростные дороги платные, на каждом пункте оплаты мы даже играли в игру: кто угадает, сколько надо заплатить на этот раз?

Пока мы ехали, Наташа успела сделать свои дела и вернуться на поезде в Блуа, где нас и поджидала. Мы побродили с аудиогидом по королевскому замку (*Château de Blois*), пообедали в ресторанчике. Наташа здесь уже была раньше, и улыбчивая официантка ее узнала: прошлый раз она попросила Наташу написать ей несколько русских слов и выражений, чтобы обслуживать русских туристов, как обычно, не изъяснявшихся на французском.

Еще один отель в Париже, на одну ночь, а утром – в аэропорт Шарль де Голль и – в Шереметьево, в Москву.

Наверное, здесь нужно подвести какой-то итог, как вы считаете? Но если вы устали читать, то я устал писать, так что закончу просто стихами, написанными во Франции. Стихотворение про катаров – из 2013 года, а остальные – из нынешнего, 2016-го. Ах да – вот еще фото, где вы можете увидеть наши улыбающиеся рожицы на вершине *Château de Quéribus*, где выше только небо.

Все-таки Франция удивительная страна, помнящая свое «родство». Вот как можно быть такой современной и так бережно сохраняющей все эти булыжные мостовые, узенькие улочки, черепичные крыши, вообще все эти городишки-деревеньки, старинные дома, внутри которых тем не менее комфортно по меркам не какого-то средневековья, а XXI века. А эти столики, прижимающиеся к стене дома, с непременно чашкой кофе, бокалом вина или кружкой пива, ах да, еще и с пепельницей! Я, конечно, понимаю, что улыбчивость западных людей обманчива, но почему-то хочется думать, что французы улыбаются искренне, и ловишь себя на том, что не успеваешь отвечать на все эти бесконечные «бонжур, месье», «мерси, месье». Не знаю, что ждет Францию в будущем, но прошлое ее кажется чарующим. И, подремывая в машине, летящей по автомагистрали в сумерках, в шуме мотора и шуршании шин начинают чудиться то стук копыт гарцующих лошадей, то звон скрежывающихся шпаг, то звуки скрипки или колесной лиры, то боевые кличи рыцарей, то песни трубадуров, то какие-то совсем уже непонятные призраки. И все это под убаюкивающий ритм: ок-ок-ок, – ведь «Лангедок» означает «язык ок»: в лангедокском диалекте окситанского языка говорят не «уи», а «ок». Может быть, что-то вроде «ага» вместо «да»? Но это я уже фантазирую...

Призраки старой Франции

От Парижа до утра,
от вчера и до Труа –
вена Сены, пена вин
легче птичьего пера,
что качается,
качается на шляпах
Сена-пена-вина-готика Шампани.

От Труа и до Лиона
Сона-Рона, Ле Бушоны.
Графы-герцоги-бароны
не встречаются как раньше,
и все тоньше,
тоньше, тоньше
дней связующая нить.

От Лиона до Тулона
всюду шорохи и стоны:
то скребутся по асфальту
лошадиные копыта,
то поскрипывают шпаги
под колесами,
колесами машин.

От Тулона до Тулузы
перевозят фуры грузы.
А по склонам гор лишь тени,
только тени проплывают,
и сражаются безмолвно,
и безмолвно
умирают.
Только изредка раздастся

одиноким птицы крик,
только в горной речке жалобно
заплачет не вода,
только пьяных трубадуров
песня-ор на всю округу,
но не слышит их никто.

От Тулузы до Бордо
тоже нету никого.
Лишь стальные галеоны
проплывают по Гаронне,
перемигиваясь с нами
разноцветными огнями
электрических костров.

От Бордо и до Парижа –
то подальше, то поближе –
виноградников ковры.
И какой-то в небе знак
над провинцией Коньяк.
Только всадникам, увы,
пить не можно за рулем.

Над всею Францией
волшебственное небо.
И время старое
как старый крестоносец –
развратник, воин, муж и рогоносец.
А в придорожном ресторанчике
вино-вино-вино.

Рыжая собака

Я как-то был французом старым
И, отворив скрипучий ставень,
Вдыхал холодный воздух с гор,
И, щурясь утреннему солнцу,
Смотрел, как девочка и мальчик
Играют с рыжею собакой
На теплом камне мостовой.

Потом я снова русским стал
И, отворив скрипучий ставень,
Вдыхал холодный воздух с речки
И наблюдал, как две овечки
Бредут по улице в пыли.
А мальчик с девочкой ушли,
О чем-то весело болтая.

Собака, прыгая и лая,
Тоже радовалась жизни.

Катары

В последней дымке уплывающих ветров
Они бродили среди медленных холмов,
Искали камень и цветок с другого края.
Дымилось солнце, за горою догорая.
Срывалась в пропасть белая вода,
Карабкались на горы города.
Искали камень и цветок, или металл.
И солнца луч по следу их бежал.
Металл звенел и пел, и ржали кони.
В погоню, за погоней, о погоне...
Горел костер, горел костер в тумане ночи,
И ночи становились все короче.
И падали-взлетали небеса,
И падала на камни не роса.
А поутру петух кричал на крыше,
Приветствуя орлов, что плыли выше.
А по двору ходили грустно куры,
И где-то в замке пели трубадуры:
«О донна, донна, донна, донна сердца!»
Конец истории. Захлопнутая дверца.

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведет Анна Народицкая

(МОССАЛИТ, Москва)

ПАДАЛ СНЕГ, или БАБУШКА-ТИНЕЙДЖЕР

Сию в своем любимом кафе и, обнимая ладошками чашку с горячим кофе, смотрю в окно. Там октябрьский дождь нещадно поливает прохожих, прячущихся под разноцветными зонтами. Я же, нежась в тепле и уюте, наблюдаю за происходящим на улице. По стеклам сползают холодные струйки воды, создавая поблескивающие водяные узоры, напоминающие инструмент в руках заправского гипнотизера, который, заставляет меня уйти в глубокие размышления. Проваливаясь в воспоминания, я мысленно уплываю в детство, в шестидесятые, и вижу яркие, живые картинки...

...Падает снег, устилая пушистой периной московские улицы и крыши домов. Иней покрыл морозным узором окна и украсил белой пудрой провода и ветки деревьев. Мороз щиплет замерзшие щеки, и бегущие прохожие зябко ежась, прикрывают носы ладошками в варежках.

Возле пруда, закутанные поверх
цигейковых шуб бабулиными
пуховыми платками,
перевязанные ремнем
посередине, два карапуза
усердно прихлопывают
лопатками кривобокую
снежную бабу. Рядом зорко
следят за внуками старушки,
державшие наготове в пуховых
рукавицах морковку для
снеговикового носа и
клетчатый платок для носа
малыша, на всякий случай.
Мимо по утоптанной дорожке
со скрипом, похожим на хруст
капусты, бредет в валенках
дед, таща за собой деревянные
санки.

Рис. Анны Народицкой

В санках, прислонившись к спинке кулем, сидит малыш в тулупчике с высоко поднятым воротником. Шею надежно укутал шарф. Между шарфом и шапкой торчат

румяные щеки, курносый нос и любопытные, проказливые глаза. Пользуясь тем, что у деда нет на спине глаз, малыш старательно пытается снять варежки и скovyрнуть об санки с ноги валенок. Нахохленная ворона, изредка покаркивая, наблюдает за ними с заснеженной ветки...

...Да, именно такие картинки я вспоминаю, когда думаю о бабушках. Почему о бабушках? В этом году я сама получила это счастливое и почетное звание. Как странно, раньше за этим столиком сидела девушка, потом женщина, а теперь бабушка. Хотя внешне немного, да практически ничего и не изменилось, я чувствую перемены внутри моей души, в глубине сердца. Разве могла я раньше подумать, что буду наслаждаться тем, как маленькое существо, полное радости и слюней, хватает меня за уши, притягивая к себе, и пытается отъесть мой нос или всосать глаз! Вся обслюнявленная и счастливая, я с восторгом издаю дурацкие звуки и сюсюкаю, совершенно не узнавая себя. Я готова буквально на все, лишь бы подольше видеть эту сладкую мордашку с бесконечно меняющимися гримасками, непередаваемо светлой улыбкой и такими внимательными трогательными глазами. Прежде я не страдала такой сентиментальностью и большой любовью к детям. Но ведь недаром говорят, бабушки любят внуков по-особенному, не так как детей. Больше, глубже, сердечнее! И это, из поколения в поколение, остается неизменным. Но вот кое-что все же изменилось. Изменились сами бабушки. Снова удаляясь мыслями в годы наивного детства, я выдергиваю кадры той, советской жизни...

...Рядом с нашим домом был закрытый дворик, там ежедневно собиралась группа детишек во главе с «Марьельсанной». Так мы называли Марию Александровну, нашу нянюшку и воспитательницу. Родители, за небольшую плату, приводили свои чада в садик с утра и оставляли до условленного времени с этой замечательной старушкой.

Хотя теперь я понимаю, не такая уж она была старушка: лет пятьдесят, наверное, было Марьельсанне в ту пору. С ней мы весело гуляли, играли в разные игры, разгадывали загадки, и конечно, в обязательной программе была «Баба сеяла горох»! Позже добрая бабушка отводила нас домой к родителям. Каждого в свое оговоренное время. Кого-то через пару часов, кого-то к вечеру. Некоторые даже бывали у нее дома, обедали супом и пили чай с пряниками, если приходилось долго ждать родителей. Так и ходили всей группой по квартирам, держась за ручки и не сводя глаз с любимой Марьельсанны.

Но запомнился мне лучше всего именно ее зимний образ. Непременно в валенках, теплом тулупе и сером пуховом платке на голове, из-под которого выбивались седеющие пряди волос. Вспоминается во всех подробностях доброе лицо в обаятельных морщинках и самое главное... Марьельсанныны сухарики! В кармане тулупа нашей нянюшки был заветный пакетик, бумажный, содержимое которого было желанным для всех детей нашей группы. В этом пакете всегда, ВСЕГДА были сухарики! Но не простые сухари, а особые. Они остались в памяти как вкуснейшее лакомство: бородинский хлеб, нарезанный маленькими кубиками, высушенными в духовке и идеально присоленными. В жизни не забуду этот вкус, когда на морозе я открывала рот и получала кусочек блаженства – хрустящий, слегка соленый, пахнущий тмином и чуть сладковатый. Знаете, такая легкая сладость свойственная только бородинскому хлебу. Чтобы получить эту награду, мы старались вести себя прилежно, поэтому регулярно окружали добрую старушку и, как птенцы, открывали рты. Марьельсанна, сняв пуховую варежку, аккуратно вкладывала в каждый «клювик» сухарик из заветного пакетика...

Мда-а, в те времена понятие «бабушка» ассоциировалась не только с добром, теплом, но и с внешними особенностями. Платочек на седой голове, спицы в руках, длинные юбки, сарафаны и непременно конфетки в карманах для любимых внуков. Бабушки тех времен сильно отличались от молодых женщин прической, цветом одежды и стилем.

Сейчас все иначе. Современные бабушки почти не носят платочков и не так часто вяжут, они носят и джинсы, и модные аксессуары. Пользуются современными гаджетами и далеко не всегда пекут пироги. Да что там, сейчас вообще редко кто печет пироги. А зачем? Все можно купить! И конфеты в сегодняшних домах вообще не переводятся.

Современные бабушки ходят с внуками в кафе, катаются на велосипедах и сидят в соцсетях. Внуки и бабушки могут видаться в скайпе, звонить на вайбер и посылать друг другу СМС или имейлы. Посмотришь на таких женщин – и не сразу поймешь, сколько же ей лет. Точно как в той поговорке: «Сзади пионерка, спереди пенсионерка».

А что, так и есть! В наше время одежда стала проще и нет таких строгих границ в стиле, как в прежние времена. Зачем далеко ходить – я сама наглядный пример современной бабушки! Когда гуляю с внучкой, меня принимают за маму, не за бабушку. А как же! Я в джинсах и кроссовках, спортивной куртке и кепке-бейсболке, в ушах гарнитура смартфона, а внучка висит в рюкзаке у меня на груди. Навстречу мне пружинной походкой прогуливаются такие же продвинутые бабушки. Я даже видела одну одетую в розовый спортивный костюм «бабулю» на роликах, толкающую перед собой удивительную двухместную коляску. Одна часть агрегата для ребенка, вторая, маленькая часть, специально для маленькой собачки, которая там весьма хорошо себя чувствовала. Типичная модель гламурной бабушки!

Женщины сегодня не хотят выглядеть пожилыми старушками. Да и не выглядят! Современные бабушки уже не старушки, скорее они напоминают тинейджеров. А что: на работу ходить не надо, офисные костюмы и условности позади, и женщины одеваются так, как им удобно. А удобнее спортивно-повседневного стиля еще не придумали. Особенно гулять с детками хорошо. А если бабушка пока еще работает, все равно в свободное время одевается и выглядит гораздо моложе своих сверстниц, живших в середине двадцатого века.

Вот и получается, что сегодня, приходя к статусу бабушки, женщины становятся подчас даже моложе, чем когда еще не были обладательницами очаровательных крошечных потомков. Да что говорить, конечно, внутренний свет любви к малышам делает этих зрелых женщин светящимися изнутри. Я уже не раз слышала от окружающих, что изменилась и меня даже сложно узнать. Что ж, здорово! Значит, я тоже «бабушка-тинейджер»!

Я сделала глоток уже остывшего кофе, дождь перестал, и скупое осеннее солнце осветило улицу. И мне подумалось: интересно, а что, если в этом самом кафе, или другом таком же, лет через двадцать будет сидеть еще одна новоявленная бабушка-тинейджер – моя дочь? И, возможно, за окном так же будет идти дождь. И станет дочь вспоминать свое детство, и бабушку, и свои картинки из прошлого. Струйки холодной воды увлекут ее мысли далеко назад, в девяностые и двухтысячные годы. Дочка обнимет теплую чашку и вспомнит, как ...*падал снег, устилая пушистой периной московские улицы и крыши домов...*